

Вера Чиркова

Высшая проба

Брат мой, друг мой

Часть первая

Вера Андреевна Чиркова
Иван Савин
Высшая проба.
Брат мой, друг мой
Серия «Высшая проба», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66615528

Аннотация

«— Окружили, — с легкой усмешкой объявил его светлость лорд Хигверд, а для меня — просто Хирд.

В его напускную беспечность я не поверил. Успел заметить презрительную, злую усмешку, на миг искривившую твердые губы. И значит, старший брат был неимоверно взбешён этим наглым, подлым нападением. Ведь означало оно очень многое.

Для начала — бесспорность сговора наших недругов. Ещё появление в замке предателя, причем среди тех людей, кому до сих пор мы безоговорочно доверяли. В противном случае враги не гнали бы нас так нагло и уверенно, словно беззащитную дичь.

Ну и судя по всему, с Густавом случилось что-то непредвиденное и скорее всего, дрянное. И вот эта мысль была горше всего остального.

Именно потому мы и уходили в самую глушь смешанного леса. Туда, где под сенью неохватного дуба пряталась неказистая сторожка, давно превращенная в неприступную крепость.

Но вовсе не нами...»

Содержание

Часть первая. Брат мой	5
Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	29
Глава четвертая	40
Глава пятая	49
Глава шестая	65
Глава седьмая	78
Глава восьмая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Вера Чиркова, Иван Савин

Высшая проба.

Брат мой, друг мой

Часть первая. Брат мой

Глава первая

Януар:

– Окружили, – с легкой усмешкой объявил его светлость лорд Хигверд, а для меня – просто Хирд.

В его напускную беспечность я не поверил. Успел заметить презрительную, злую усмешку, на миг искривившую твердые губы. И значит, старший брат был невероятно взбешён этим наглым, подлым нападением. Ведь означало оно очень многое.

Для начала – бесспорность сговора наших недругов. Ещё появление в замке предателя, причем среди тех людей, кому до сих пор мы безоговорочно доверяли. В противном случае враги не гнали бы нас так нагло и уверенно, словно безза-

щитную дичь.

Ну и судя по всему, с Густавом случилось что-то непредвиденное и скорее всего, дрянное. И вот эта мысль была горше всего остального.

Именно потому мы и уходили в самую глушь смешанного леса. Туда, где под сенью неохватного дуба пряталась неказистая сторожка, давно превращенная в неприступную крепость.

Но вовсе не нами.

Коней пришлось бросить еще не доходя ручья. Точнее – отпустить, предварительно расседлав. Они и сами могли добраться до замка, никому не давшись в руки. Ученые.

Седла и нехитрую поклажу мы тоже оставили, спрятав в расщелине старого дуба, давно используемой как тайный схрон. Дубрава, раскинувшаяся по склонам западных холмов и оврагов, была знакома чуть ли не наизусть. С самого детства все наши игры и развлечения связаны с этими местами.

Жаль только и недруги об этом знали, и, судя по всему, явно не понаслышке. Слишком уж хорошо подготовились, точно выбрали время и теперь уверенно загоняли в самую чащу. Туда, где на пригорке, под вековым дубом пряталась ветхая избушка. Народ поговаривал, будто строил ее лесник или отшельник, и второе ближе к правде.

Но все же не совсем.

К заветному дубу мы пробирались от ручья, скользя меж-

ду папоротниками по мшистым кочкам, не хранящим следов, если идти босиком. Так и прошли, привязав сапоги за плечами, а добравшись до толстеного ствола, белками взлетели по шершавому стволу наверх, хватаясь за проверенные сучки и штыри. Вбитые явно прежним владельцем избушки, эти надежные ручки были абсолютно незаметны под слоем мха и найдены нами совершенно случайно.

Вмиг добравшись до тесовой крыши по наизусть заученному пути, поочередно нырнули в узкое и темное чердачное окно, спрятанное за трубой. Оказавшись наконец в безопасности, посидели на чердаке переводя дух и потихоньку полезли вниз по тайному колодцу, в котором пряталась узенькая, почти отвесная лесенка.

И колодец и лесенка были невероятно хитро и умело спрятаны между печной трубой и стеной избушки, и вели к тайному ходу в глубокое подземное убежище.

Никакого другого пути туда не имелось ни из самой хижины, ни снаружи. И бесполезно было отыскать его, стуча по сбитому из толстых плах полу, Лаз в тайный погреб размещался вовсе не под самой избушкой, а в стороне, сразу от печи уходя под сложенный из валунов фундамент. Причём не только в сторону, но и вглубь.

Второй, запасной выход из убежища вел в овраг, на отвесный склон. Потому-то и был всего лишь выходом. На самый крайний случай.

Мы почти ползли по присыпанному сухим песком низкому ходу, попутно решая, какие ловушки следует насторожить сразу, а какие пока подождут.

Хотя и ловушки, и потайной спуск в подвал устраивали вовсе не мы, но за несколько лет успели изучить и все проверить в деле, запуская вороватых крыс и хорьков.

И теперь точно знали, насколько осторожен и хитер был прежний хозяин этой избушки. А ещё он был магом. Очень сильным и опытным.

Намного мощнее нас, хотя Хирд потомственный маг, обладающий даром управления огнем и слегка – воздухом. Да и во мне хватает тайных способностей, известных лишь трим. Герцог пока не входит в число людей, знающих обо мне всё. И я истово надеялся, что так и останется еще очень долго.

А лучше – всегда.

В погребе властвовал полумрак. Мы не были тут уже давненько и не политый питательным раствором ведьмин мох почти угас. Нет, крови ему не нужно, это сказки темных селян. Всего лишь настой свежих трав или ягод. Ну, в крайнем случае, подходит и разбавленный водой сироп из варенья, и именно им мы первым делом полили пару ближних колб.

А пока в них медленно разгорался свет, сбросили пропотевшие дорожные куртки и по очереди умылись. Ванная комнатка здесь просто крошечная. Хотя, и все остальное то-

же маленькое. Кухонька, она же столовая, спальенка и кабинет, считающийся моей комнатой. Просторнее всего – лаборатория, или мастерская, не знаю, какое название точнее. Устроивший это убежище маг явно был мастером на все руки.

– Подъезжают, – сообщил Хирд, уже усевшийся в спальне перед зеркалом, показывающим окружающее избушку пространство.

Не знаю, как работает эта магия, но за последние годы она ни разу нас не подвела и не ослабела. Единственное, что мы нашли, это странные гвозди с необычными шляпками в форме пирамидок, вбитые в крышу избушки и ствол дуба, но так и не выяснили, какое заклятье помогает им собирать изображение и отправлять в зеркало. Ни в одной книге по магии не нашлось никаких упоминаний о подобном фокусе.

Я примостился за спиной Хирда и вгляделся в наших врагов. Как и следовало ожидать, большинство всадников предусмотрительно прикрыли лица масками и широкими полями шляп. И в бою мы несомненно ничего бы не рассмотрели.

Но когда имеешь возможность неспешно изучить их костюмы, оружие, лошадей и все прочее, то невольно начинаешь узнавать давно знакомые черты и детали. Особенно выделяющиеся среди остальных, поэтому стройного всадника, сидевшего на лошади с врожденной элегантностью, опознали сразу.

– Стерва, – коротко и с чувством припечатал Хирд, не опасаясь что нас могут услышать.

Отсюда наружу не доносится ни запахов ни звуков, даже очень громких, вроде стука молотка по наковаленке. И отсвет магии тоже не виден, мы проверяли артефактом. Хозяин секретной мастерской умел прятаться и прятать.

– Ну да, – хмыкнул я в ответ, пряча невольное облегчение.

Наконец-то он правильно охарактеризовал мадмуазель Грету Фирсье. Причем не с придыханием, как говорят об умных, уверенных в себе самодостаточных женщинах, а с презрением, более подходящим стервятникам, охотящимся за жирной добычей любыми методами и способами. И чаще – самыми грязными и жестокими.

Но, к моей великой досаде, до последнего времени Хирд смотрел на нее с жарким обожанием и пускал слюни, как глупый младенец на яркие, однако совершенно несъедобные и даже опасные вещички.

И тем не менее в глазах первой красавицы Дэнзора, младший брат герцога и принц Эргоса не имел никакой ценности, хотя и был вторым по знатности среди лордов герцогства. Ведь по сведениям стряпчих и осведомленных лиц, ни дворцов, ни имений, ни сокровищ родители ему не выделили.

Следовательно, по глубочайшему убеждению завидной невесты, ее благосклонности брат герцога просто не заслуживал. Да и зачем ей его нищенское обожание, если вокруг столько знатных, красивых и богатых лордов? Графов, баро-

нов, банкиров и герцогских советников?

Хирд обижался, злился, ревновал... в общем страдал на все лады, но все напрасно, для него мадмуазель оставалась недостижимой мечтой.

Разумеется, он знал, как положено осаждать неприступные крепости и засыпал Грету букетами самых роскошных цветов и корзинами редких фруктов из герцогских оранжерей, посылал ей под окна менестрелей и комедиантов. И даже преподнес несколько фамильных драгоценностей из числа тех, что переходят по наследству.

Но ни разу не получил за это ни словечка благодарности, ни банального сочувствия. Лишь высокомерное пренебрежение, насмешки и издевки.

А ранней весной всё кардинально изменилось. Чуть более двух лун назад король Дегронии внезапно объявил об уходе на покой. Никто такого не ожидал, хотя его величеству и было немало лет. Но так уж сложилось, что почти все правители нашего мира обладают недюжинными способностями в магии и потому живут долго и счастливо в здравии и твердом рассудке.

И король Беруальд исключением не являлся. Но править дальше отказался категорически, заявив, будто давно мечтал спокойно пожить у моря, ловить рыбу и делать амулеты из раковин.

Некоторое время Дегрония бурлила. Жители спорили, ссорились, высказывали самые невероятные догадки и пред-

положения о том, кто станет их новым монархом.

Хотя дети у Беруальда имелись, трое. Два сына и дочь. Но все уже давно нашли свое место в жизни. Старший принц, Вистериан, еще пятьдесят лет назад женился на ее высочестве Гизейдес, принцессе Лортана, и теперь уверенно правил раскинувшимся за проливом могучим королевством.

Эмильен, второй принц, много лет отдал изучению магии и служению цитадели магов. Около сорока лет назад он заключил семейный союз с магиней своего ордена, позже стал верховным магистром. И теперь не имел ни малейшего желания что-либо менять в своей жизни.

Примерно в то же время принцесса Изольда, младшая из детей Беруальда, вышла замуж за Леонтида, короля Эргоса и стала нашей любимой королевой. Матерью принцев Гарлингга и Хигверда и моей наставницей.

Гарлинг тринадцать лет назад женился на осиротевшей дочери герцога Дэнзорского и в придачу к красавице жене получил герцогскую корону из золотых листьев дуба, усыпанных изумрудами, символом Зеленой долины.

А уезжая из королевского дворца в Дэнзор прихватил с собой и любимого младшего братишку, вместе со мной, разумеется. Заявив, что в герцогстве мальчишкам будет намного вольготнее и безопаснее, чем в столице. Так оно и было... до недавнего времени.

Получив предложение занять трон Дегронийских королей, их величества Леонтид и Изольда несколько дней со-

мневались и советовались, но наконец решились. Однако перед отъездом твердой рукой навели порядок в родном королевстве. Сначала короновали на оставляемый трон Гарлинга, затем посадили Хигверда в освободившееся кресло правителя Дэнзорского герцогства.

К этому делу они подошли очень серьезно, и прежде, чем опустить на темноволосую голову младшего сына колючую корону из переплетенных золотых дубовых ветвей, заставили его изучить секретные донесения тайных осведомителей.

А пока он читал аккуратно сшитые в тома бумаги, наставница, которую я лет до семи считал матерью, увела меня в потайную комнату и выдала самые строгие и секретные указания. С той минуты я стал главным телохранителем старшего брата, хотя уже давно знал, что никакого родства между нами нет и в помине, да и быть не может.

Кроме духовного.

– Ну и чего мы тут выжидаем? – с едва сдерживаемой яростью осведомилась Грета, и ее тихий вопрос прозвучал так четко, словно интриганка стояла от нас в двух шагах.

– Ловим отзыв комаров, – мрачно буркнул один из ее сопровождавших, и мы с братом одновременно разочарованно выдохнули.

Еще один «друг» потерян навсегда. На этот раз граф Юлиус Кансед, ровесник Хирда и его давний напарник в тренировках и пирушках.

– В схроне было всего два, – доложил второй сопровож-

дающий, командир наемников, нанятых Гретой для охраны ее персоны.

На самом деле, как мы успели убедиться за последние декады, эти ушлые парни вполне могли бы соперничать в умениях с лучшими сыскарями герцогского тайного сыска, которым командовал Густав, тайный советник и учитель Хирда по рукопашному бою.

– Вы всё забрали? – черные глаза мадмуазель Греты сверкнули ненавистью.

– Нет, – невозмутимо сообщил наемник, – я оставил там людей. Братцы ведь придут когда-нибудь за своим добром?

– Если бы вы всё унесли, – злобно шипела мадмуазель и ее красивое лицо уродливо кривилось, – то их в платьях простолюдинов просто не пустили бы в замок!

– Пускают не по одежде... – хмуро пояснил Юлиус, – а по герцогским амулетам и печати. Но зачем вам, мадмуазель, нужно, чтобы их не пускали?

– Чтобы поймать, – она взирала на графа пренебрежительно, как на последнего дурака.

– А если Хирд, даже пойманный и связанный не пожелает участвовать в обряде единения судеб?

– Захочет, – уверенно усмехнулась она, и снова ее лицо показалось мне оскаленной шакальей пастью, – когда увидит, как вы, лорд, отрезаете палец или ухо мелкому пакостнику.

– За Яна он пойдет на что угодно, – мерзко ухмыльнув-

шись, подтвердил наемник, – редкая преданность.

И теперь уже и я мечтал отрезать каждому из них любую часть тела.

– Каким же я был идиотом... – горько выдохнул Хирд, – слепцом скудоумным... и ведь намекали... даже открыто говорили...

– Не спеши каяться, – предостерег брата, – еще неизвестно, чем именно она вас завлекает. Лично я всегда видел лишь красивую маску, натянутую на морду уродливого монстра.

– С того момента, как Гарл отдал мне герцогские регалии, – тихо признался брат, – я тоже не вижу ни грана того очарования, каким был пленен. И теперь понимаю, почему мать смотрела на меня с такой жалостью.

– Я тоже не понимаю, – помедлив, ответил я, – почему они ничего не делали прежде? Не надели на тебя амулет, открывающий истинное видение, не напоили отрезвляющим зельем... не выгнали эту гадину?

– Молодой ты еще... – вздохнул Хирд, – и наивный. Вот погоди, влюбишься... тогда и поймешь, почему хочется верить ей, а не родной матери, или брату. И почему готов бежать за возлюбленной босиком на край света, и даже мысль о том, что ее могут выгнать, допросить, разоблачить, кажется кошунственной.

– Не буду я влюбляться. Мне и так хорошо, – хмуро огрызнулся я и отправился в лабораторию за амулетом.

Пора было искать проклятых комаров. И очень неплохо

бы выяснить, какая только гадина их нам насовала. Хотя, скорее всего постаралась сама Грета... ну и подкупленные ею слуги.

Через полчаса упорного поиска, мы, злые и полураздетые, сидели в кабинете возле стола, на котором в свинцовом флаконе с надежной притертой крышкой спало больше десятка комаров. Крохотных, с пшеничное зернышко, напоенных магией серых кристаллов, которые можно было прилепить к любому металлу.

Они ничему не мешали и не терялись, не отзывались на обычные амулеты и могли молчать годами. Пока их не коснется аура особого поискового заклинания.

От него комар мгновенно просыпается и начинает подавать сигнал, выдавая хозяину место, где прячется помеченная им дичь.

– Ты уверен, что нашел всех? – справился старший брат, надевая рубаху и верхние штаны.

– У тебя – точно. И у себя не слышу, – поспешил я его успокоить.

Хирд силен в магии огня и частично минералов, они обычно сопутствуют. Но в поиске слабых отсветов поисковых заклятий огонь не лучший помощник.

А у меня получают лишь заклинания защиты и немного – духа. Свои же, особенные, почти неизвестные в народе способности, приходится тщательно скрывать от посторонних. Это мое тайное оружие на самый крайний, самый неже-

лательный случай.

Время от времени мы посматривали в зеркало и ненадолго добавляли громкости доносящимся сверху звукам. Но так и не услышали больше ничего интересного в разговорах своих врагов, устроившихся под дубом на обед.

Глава вторая

Януар:

В хижину отшельника поклонники дикой охоты не пошли. Там властвовало запустение, стены и оконца заросли мхом, паутиной и копотью, а по углам и на потолочных балках свили гнезда упыри. У прекрасной гадины мадмуазель Греты возникла было идея устроить в избушке теплый сортир, но она сразу же от нее отказалась, едва рассмотрела низкий грязный потолок и висящих по углам летучих мышей.

– Нужно сжечь эту развалину, – брезгливо поджав губы, злобно заявила она и от одной мысли, что избушки, которая так много для нас значила, больше не будет, меня словно ножом по сердцу полоснули, – Юлиус! Займитесь.

– Это плохая идея, – не согласился он, к моему великому изумлению. Обычно мужчины с гадиной не спорили, – если они сейчас идут в эту сторону, то пожар еще издали подаст знак, что здесь поджидает опасность. В такую погоду сырые избушки сами по себе не загораются.

– А сюда они во всех случаях должны вернуться, – внезапно поддержал его молчаливый незнакомец в темной шляпе, низко надвинутой на глаза. – Как я выяснил, дальше в той стороне только болота и переночевать там негде. Особенно

сейчас.

– А почему это сейчас – особенно? – недовольно процедила Грета, не выносившая, когда ей перечили.

– Ну и тупица... – презрительно прошипел Хирд.

– И всегда такой была. – Не сдержался я.

– Да я уже понял, что был ничуть не умнее, – огрызнулся брат, – но хоть ты не добивай?

– Извини... – раскаяние, как всегда, пришло с запозданием. Но я всё же задал вопрос, мучавший меня который день, – и все же, почему ты не выставил ее сразу, как только это понял?

– Всё потому же... – скрипнул зубами свежеиспеченный герцог. Хотя не самого завидного и далеко не самого большого в нашей стране герцогства. – Сам не поверил своим ощущениям... думал, это неожиданная смена статуса так повлияла... Знаешь ведь, как бывает, когда бедный селянин вдруг выкапывает на своем огороде старинный клад?

Да, я знал. Здесь это не такая уж редкость. В старые времена единственный путь в Эргос шел только через эту долину. И с путниками здесь тогда случалось всякое. Пропадали в болотах, попадались в лапы мошенникам и разбойникам, становились жертвами жадных трактирщиков и их слуг.

Пришлось королю выделять эти места в герцогство и дарить его лорду Дэнзору, самому жесткому из придворных магов. Вскоре воины первого герцога Дэнзорского неумолимо и неуклонно наводили в долине порядок, без суда и след-

ствия вещь каждого, у кого нашли ценные вещишки пропавших знатных и богатых путников.

И теперь никому не приходит в голову удивляться обилию кладов, схороненных примерно в одно время. Умные предки нынешних охотников и рыбаков вовсе не желали быть повешенными за шкатулку с камнями. Неважно, какой ценности, жизнь всегда дороже.

– Многие с ума от радости сходят... – с горьковатой ухмылкой продолжил Хирд, – выгоняют старых жен и детей, собирают в доме молоденьких красоток... Однако, как всем известно, похмелье частенько бывает далеко не приятным. Вот и я очень страшился... что в эйфории оттолкну Грету, а потом буду локти кусать... Память ведь никуда не делась, ясно помнилось как нежно я её обожал... дурак наивный.

– Ну хватит... – не выдержал я.

– Нет уж, дослушай... я же вижу, как ты на меня тайком поглядываешь, явно опасаясь, что снова поддамся ее чарам.

– Только если она снимет с тебя герцогскую звезду и охранный пояс. – на всякий случай пробормотал тайное условие его безопасности.

– А тебе откуда известны такие подробности? – вдруг насторожился Хирд.

– Матушка сказала. – Это известие для брата тайной не было и обсуждать его мне никто не запрещал. – Пять раз повторила, чтобы следил за тобой... она тоже боится.

– Вот как... – он на несколько мгновений примолк, потом криво усмехнулся, – так тебя ко мне телохранителем приставили?

Сообразительный, ничего не скажешь. И всегда таким был, до проклятой влюбленности в подлую Грету. Но знает далеко не всё... и потому оскорбить меня не может.

– Ага, – кротко кивнул я, – с самого рождения. А куда ещё деваться младшему брату, не имеющему ни сокровищ, ни доходных имений? Ты и сам недавно сидел на том же стуле, не помнишь?

Развернулся и пошел на кухню. Что-то перекусить захотелось.

– Ян! – Брат тут же вскочил и ринулся следом, – ну прости дурака! Я не хотел...

– Нехотя и убить можно, – так же кротко сообщил я, наливая воду в котелок и ставя его на магическую горелку, – кашу будешь?

– С чем? – привычно спросил он, протиснулся мимо стола и сгрел меня за плечи, – ну не злись, а? Мне уже понятно... что матушка не могла иначе... но ты-то зачем соглашался?

– Тебе нужно поесть и поспать, – невозмутимо сообщил я, засыпая в воду щедрую горсть полосок копчёного вяленого мяса, – иначе не удержишься и спалишь всех охотников одним махом... придется объясняться перед судьями, за что. Но они-то может, и оправдают... зато не поймет население, и так встретившее твое возвышение с холодком. Ну а родичи

сожжённых и вовсе объявят войну... особенно ушлый братец Греты и их матушка, уже мнящая себя статс-дамой, раздающей в замке указания.

– Не соли по живому. – Хирд втиснулся на угловое сиденье, сунул в рот сухарик и яростно захрустел, – ты не представляешь... как я жалею о том времени, когда на мою голову не давили дубовые листья! Вот с чего Беруальду так срочно приспичило ловить рыбу? Куда бы она делась за десять лет? Или за двадцать?

– Хотя бы за пять, – вздохнул я в полном согласии с его доводами.

Ну или четыре, для ровного счета. Тогда Хирду уже исполнилось бы тридцать, и ни одна жаба не шипела бы, что принц слишком молод и беспечен, чтобы править герцогством. Даже таким небольшим и благополучным, каким стал в последние века Дэнзор.

Но сейчас он никому, особенно друзьям и родичам тех, кто и сам облизывался на дубовый трон, не кажется ни надёжным, ни достойным.

Еще не остепенился, ветерок в голове гуляет, молоко не обсохло, детство не отпустило, совсем мальчишка, думает только о скачках и охоте... каких только гадостей не шептали по углам придворные, считавшие своим долгом высказать свое мнение обо всех переменах и указах бывшего короля.

Наивно забывая при этом, что, хотя Леонтид и не является больше нашим королем, но по-прежнему остается любя-

щим отцом своим сыновьям, и, если понадобится, достанет их обидчиков даже из Дегронии. Тем более, она не так и далеко, как им кажется.

Всего-то и нужно, сесть на коня и ехать на запад по дороге, построенной первым герцогом Дензорским. Она пересекает зажатую между холмами и болотами Зеленую долину и выскальзывает из дубравы на берег пограничной бурной Шарвы. Всё, останется перебраться на ту сторону и сесть в дилижанс до Одзиена, столицы Дегронии.

А можно наоборот, ехать на восток, и, миновав два герцогства, оказаться в предместьях Резвилла, столицы нашего Эргоса, где теперь правит король Гарлинг, старший брат Хирда. И хотя разница между ними почти двенадцать лет, младшего принца он всегда любил и баловал. В меру, нужно признать, но оторвет лапы каждому наглецу, который протянет их к Хирду.

Если, разумеется, об этом узнает, чего сам Хирд категорически не желает.

Бульон закипел и я поспешил засыпать в котелок пару горстей сухой смеси, которую все путники без затей называли кашей. На самом деле приблизительный состав этого продукта для путешественников был далеко не прост. Очищенные, порезанные тонкой соломкой, слегка обжаренные и до хруста высушенные магией овощи, корнеплоды и орехи – вот примерный набор. Разумеется, он сильно менялся в зависимости от цены. В самых дешевых смесях были лишь лук, ре-

па и бобы, а чем дороже, тем богаче и изысканнее становился перечень продуктов.

От котелка потянулся потрясающий запах, щекоча ноздри и воображение предвкушением наваристой каши, и я поспешил убрать её с плиты. Попав с горячий бульон, овощи набухали и варево густело за считанные секунды.

– Они тоже подают на стол, – сообщил Хирд, вернувшийся в спальню с полной миской каши, – не завидую бедолагам.

Я тоже не завидовал и даже больше, сейчас я откровенно злорадствовал. Пришлось несколько раз посидеть на пикниках и охоте за одним столом с этой гадиной. Мало того, что Грета выдвигала самые немыслимые требования и капризничала как донельзя избалованный маленький ребенок, так она еще и сопровождала каждый съеденный кусочек критическим замечанием. И далеко не всегда ее оценка совпадала с мнением проголодавшихся спутников.

А теперь это зрелище впервые обещало стать неплохим развлечением в нашем нечаянном, хотя и почти добровольном заточении и я не собирался его пропускать. Заполнив миску варевом и прихватив пару сухариков, пробрался в спальню, потеснил брата и, устроившись рядом, уставился в зеркало.

На полянке между дубом и непроходимо густыми зарослями тянувшейся вдоль края оврага дикой малины наши недруги установили маленький сборный походный столик, накрыли белой салфеточкой и расставили серебряные фляж-

ки и чаши с крышками. Всего-то штук десять, не более.

Приставив к столику складной стульчик, наемники накрыли его пледом, добавили подушечку и направились к другому краю поляны. Там их знатные поделники уже расстелили на пригорке походное одеяло и выставили на него корзинку с завернутыми в полотняные салфетки колбасами, ветчиной и жареной птицей. К ним прилагались лепешки, сваренные вкрутую яйца, лук и первые овощи. Все те продукты, какие обычно берут с собой странники и охотники, не рассчитывавшие задерживаться в пути дольше одного дня.

И по этим приготовлениям было предельно ясно, что сидеть за одним столом с Гретой ни один из них не собирался изначально.

А жаль, сорвалось такое развлечение. Но ничего не поделаешь, остается лишь разочарованно вздыхать.

– Какие все предусмотрительные! И хорошо осведомленные! – сердито бурчал Хирд, и злился он сейчас на самого себя.

– У них не было шор на глазах, – примирительно произнес я, – со стороны всё всегда виднее. Но меня волнует другое... почему они играют за нее, раз такие умные и дальновидные? Ведь не могут же всерьез считать, будто матушка поверит в твою добровольную помолвку с Гретой? И не приедет сама, и не привезет сильного ментала, чтобы проверил твои истинные желания?

– Не знаю, Ян. Сам ничего не могу понять, потому и бе-

жал сюда... чтобы денек спокойно подумать. Хотя утром еще ничего не планировал... но когда почувствовал неладное...

Он смолк, и мне оставалось лишь согласно вздохнуть.

Я и сам это ощутил... как будто вспыхнуло что-то в мозгу. Не знаю, что именно, и опознать не могу. Скорее всего, ментальная магия, но на меня она не действует. Абсолютно.

Такова особенность дара. Ведь нижний, защитный кокон, прильнувший к коже тончайшим как волос слоем магии, всегда на мне, и надёжно прикрывает мозг. Потому я и не ношу оберегов от эмпатов.

Впрочем, амулетов у меня вообще всего пара, и те простенькие на вид... пусть недруги верят в мою слабость и беззащитность.

А мелькнувшая на грани сознания вспышка хотя и была проявлением магии, но совершенно незнакомой. Наставник, которого мне с огромным трудом отыскала королева, ни о чем подобном даже не упоминал. Впрочем, занимался он со мной недолго... слишком трудно было хранить эти уроки в тайне от глазастых слуг и придворных бездельников.

Но главное все же объяснил, способы и границы безопасных действий определил, быстро пополнять магию научил. Ну и показал пяток секретных фокусов на самый крайний случай. А еще, прощаясь, дал амулет и несколько советов и приказал заучить тайные знаки и координаты мест, где всегда укроют и помогут.

– Ты нигде не встречал того лорда... в темной шляпе? –

Хирд продолжал рассуждать вслух, как привык еще в детстве.

– Нет. Абсолютно незнакомое лицо... и магия тоже. Хотя она ощущается мутным размазанным облачком, – доложил я, уже понимая, с кем нам пришлось столкнуться.

– Значит, потомственный темный маг, – сделал те же выводы герцог, – и это очень плохо. Устраивать побоища с незнакомыми колдунами в мои планы никак не входит. И всё сильнее мучит беспокойство за Густава.

– Насколько мне помнится, – бдительно глядя на него, осведомился я, – в наши планы вообще входила лишь короткая прогулка до дубравы? Проверить, просохли ли склоны тетеревиного оврага. Или со мной сегодня играют в темную?

– Что за дикие подозрения? – укоризненно помотал головой брат, – когда это я тобой играл? Да еще и втайне? У меня вообще никогда не было от тебя секретов... а вот ты удивил.

– Чем? – обиделся я, – тем, что не прибежал и не заложил матушку, сразу после того, как поклялся ей на родовом браслете? Зная, что она поймет это в тот же миг? Я и здесь сказал только после того, как ты сам сообразил! Этого никакая клятва запретить не может!

– Я уже понял. – невозмутимо сообщил он, – просто не ожидал... от них таких интриг. И потому даже не задавался подобными вопросами и не задумывался. Но теперь буду... мне тоже претит, когда мной играют в темную, как ты сказал. И для начала хочу спросить... что тебе известно о твоих

родителях? Я имею в виду графиню Невенс.

– Ничего, – хмуро усмехнулся я.

Мне и в самом деле ничего про нее не известно. И даже больше, я и знать ничего не хочу. Потому что она просто ширма, и никакого отношения к моим родителям не имеет.

Глава третья

Януар:

Тайну моего появления в королевском дворце открыл мне Фаргес, мой секретный наставник в магии. Двадцать лет назад в один из зимних дней главный лесничий принес в королевский дворец закрытую крышкой корзину и доложил, что нашел необычное животное. Но покажет только его величеству.

Ничего странного никто не заподозрил, наш король Леонтид маг-природник и коллекционирует различные диковинки. Поэтому он пригласил лесничего в кабинет и запер двери.

Но подняв крышку, обнаружил обычного медвежонка, лишь слегка бледноватого окраса.

– Я тоже ничего сразу не заподозрил, – признался лесничий и рассказал, что медвежат принесли егеря.

– Троих нашли, редкое дело. Медведицу кто-то извел, они и вылезли. Двое покрупнее и дикие, а этот самый маленький и совсем ручной. Но худющий... я и принес его на кухню, молочком напоить. А там дворовая ребятня набежала... завизжали, затормошили... а он и не против. Угощение берет, когти не выпускает... ну я и не стал отнимать. Думаю, уже

вечер, скоро уснут... тогда его и унесу. А позже пришел – дети спят, а звереныша нет. Начали искать... нету. Как сквозь пол провалился. А потом одна нянька и ахнула... на кровати, в уголке, рядом с ее сынишкой спит чужое дите. Как две капли воды похожее на ее мальчугана, но вполовину меньше. И чумазое... словно давно немытое. Забрал я его и думаю, как проверить? Понес к клетке с дикими медвежатами. А он словно почуял... как увидал их – сразу шерстью оброс. Неужели оборотень?

Я прямо спросил об этом у Фаргеса, но он рассмеялся и погладил меня по голове.

– Конечно, нет. Ты чистокровный человек, Януар, даже не сомневайся. Причем, щедро одаренный, только дар у тебя очень редкий.

– А конюхи рассказывали на кухне про оборотней... – вспомнил я жуткие истории о страшных людях, в мановение ока превращающихся в кровожадных зверей. – Вроде бы живут они в лесу и выходят к поселкам чтобы воровать девиц и детей.

– Это байки обывателей, ничего не понимающих в магии и потому сочиняющих самые дикие объяснения тем случаям, каким были свидетелями. – решительно отрезал Фаргес. – А видеть они могли только магов. Либо иллюзионистов, надевавших личины, либо тех, кто обладает такими же способностями, как и ты. Но только не оборотнями и не метафорфами. Изучавшие этот вопрос магистры давно доказали,

что подобные трансформации животных нецелесообразны, так как невероятно сложны в исполнении и требуют просто катастрофического количества энергии. К тому же абсолютно бессмысленны, диким зверям просто не нужны человеческие самки, а ловить и есть жертв им удобнее в собственном облике. Поэтому природой подобные мутации не созданы ни как вид, ни как исключение.

В то время мне были совершенно непонятны эти слова, но звучали они очень весомо, и я запомнил их наизусть. Память у меня хорошая. А теперь, прочитав кучу книг и тщательно все обдумав, и сам могу с уверенностью заявить, что Фаргес не покривил душой против правды и на волос. Впрочем, теперь я понимаю, что это и было его задачей, вселить в меня уверенность в собственных силах и возможностях.

– Можешь считать себя щитовиком, или иллюзионистом, – сказал наставник, – но магистры дали магам с таким редким даром короткое название – адапт. Одаренные дети, почему-либо оказавшиеся во враждебной среде, могут выжить лишь в одном случае. Если очень быстро и полностью адаптируются к новым условиям жизни, подстроятся под них и станут неотличимы от окружающих. Так, как пришлось тебе. Но обретенная в раннем детстве способность может постепенно ослабеть, и лучше этого не допускать. Один раз она уже спасла твою жизнь, значит может спасти и еще. И не только тебе.

Это я осознал даже тогда, и потому учился очень упорно и

когда Фаргес ушел, ни на день не бросал тренировок. Потому – то и не боюсь теперь попасть в лапы наемников Греты. За себя.

Зато волнуюсь за брата. Как бы ни повернулась ситуация, конечный результат для него одинаково невыгоден.

Если Хирд сбежит от Греты – начнут говорить о его ветрености и предательстве. Почти подлости, ведь все видели, как упорно он добивался внимания красавицы. А как только надел корону – так сразу отвернулся и больше даже знать ее не желает. А девушка только поверила в его любовь... потянулась навстречу, а может, уже и уступила... по наивности. Хотя наивной она и пять лет назад не была, но кому это докажешь? И каким образом?

Ну а если все же выбрать второй вариант и сдать, то можно не сомневаться, Грета постарается отравить ему жизнь. Поэтому Хирд никогда на это не пойдет. Да и родители не допустят.

Следовательно необходимо искать третий выход, а пока нам остается одно, тянуть время и изо всех сил держаться как можно подальше от назойливой «невесты» и ее шайки.

– И ты никогда не хотел... – Хирд замаялся, не желая нарушать негласного запрета на эту тему, – посмотреть родовое имение... портреты предков? Прости, конечно, Ян... но она же не виновна в своей болезни?

Да она вообще ни в чем не виновна, мог бы сказать я. Потому что не имеет ко мне никакого отношения. И никогда

не рожала бастарда и не теряла его во время путешествия. Вернее, поездки в святой монастырь на покаяние.

В том монастыре она и прожила еще несколько лет, заплутав в дремучем лесу своей памяти, и однажды не вернулась оттуда к завтраку. Так и не узнав, что официально признана матерью взятого под опеку самой королевой малыша. Которому, особым указом достались в наследство её имя, титул и крошечное фамильное имение Невенс. Весьма запущенное, неприбыльное, почти безлюдное и потому абсолютно незавидное. Но благодаря тайному приказу короля охраняемое от расхитителей парой егерских семей.

– Не переживай, я видел, – сообщил ему чистую правду, – мне показали наследство. Но к чему ты об этом вспомнил? Думаешь, нам удастся там пересидеть, пока гиена угомонится? Вряд ли. Уж если они проследили, куда мы ездим на прогулки, то про мое имение точно не забыли. Как и про твои охотничьи домики и особнячок в Резвилле.

– Я думал... – Хирд резко помрачнел и коротко буркнул, – забудь.

– Уже. – Фыркнул я, – и так знаю, о чем ты подумал. Надеюсь отправить туда меня. Только не догадывался, что нежную фиалку очень интересуют мои уши и пальцы. Причем, отдельно от тела.

Забудь! – с нажимом процедил он.

– Да забыл, забыл! Но даже не надейся, что я останусь сидеть здесь и наблюдать за прекрасной феей, пока ты попыта-

ешься пожертвовать своей свободой, спасая Густава.

– Останешься, – непререкаемо заявил он, – рисковать тобой я не буду.

Простите, ваше величество, – печально вздохнул я, представив себе доброе и чуть встревоженное лицо опекунши, – но долго хранить тайну мне не удастся. Если я немедленно не докажу этому упрямцу, кто из нас более подходит на роль спасителя – завтра вы проснетесь свекровью очаровательной змеищи по имени Грета.

– Извини, Хирд, но и я не могу позволить тебе рисковать. Права не имею, – объявил ему с предельной откровенностью и наглостью, – а если продолжишь настаивать на своем, буду вынужден применить силу.

– Ты? – Он так опешил от неожиданности, что невольно развеселился, – меня?! Собрался остановить?!

– Угу, – вздохнул я огорченно, прекрасно понимая, что очень скоро ему будет не до смеха.

И мне, разумеется, тоже. Потому что никогда он не простит ни многолетнего обмана, ни заговора с его родителями.

Вот заранее и ныло мое бедное сердце от той невыносимой боли, какую принесет нам обоим моя неизбежная победа в предстоящей схватке.

– Ян, – мягко и покровительственно сообщил Хирд, – ты напрасно пытаешься меня остановить. Даже блефовать дерзнул. Я уже решил, и менять свои планы не собираюсь. Не так много у меня преданных друзей, чтобы я мог себе позволить

кого-то оставить в беде. Но даже если бы вас было в тысячи раз больше – ничего бы не изменилось. Прости...

Момент, когда в его руке блеснул камешек усыпляющего амулета, невзрачной на вид зажигалки, любой обычный человек непременно пропустил бы. Вот только сложно назвать заурядным человеком тренированного адапта. Ведь в минуты опасности я могу добавить любых качеств своему телу, вернее, тончайшему защитному кокону, который ношу не снимая.

Да и мимику Хирда успел изучить, и не сомневался, что он нападет без предупреждения.

Потому и был готов к порции сонного заклинания, выпущенного мне прямо в лицо.

И разумеется, подыграл.

Охнул, покачнулся, закрыл глаза и медленно осел на пол. Надеюсь, что упасть мне не позволят.

И не ошибся. Крепкие руки герцога поймали мое тело на полпути к полу, подхватили, потащили к узенькой кушетке, едва вмещающейся в ближнем к двери уголке.

– Надеюсь, ты меня простишь... – укладывая меня головой на подушечку, бормотал он хмуро, – но даже сильным иллюзионистам, как бы ты меня ни убеждал, никогда не победить опытного огневика. Тем более – отлично владеющего оружием.

– К тому же, не стесняющегося напасть без предупреждения, – произнес я укоризненно, вначале незаметно расширив

защитный кокон.

Всего на три пальца. А затем убрал ту часть, что закрывала спину, приподнял остальной, как поднимают шляпу, и стремительно выскользнул из него, словно змея из старой шкуры, мгновенно создавая новый кокон. Дополнительно усиленный необходимыми в вылазке качествами, гибкостью, растяжимостью и мимикрией.

– Что? – не поверил своим глазам Хирд, потрясенно глядящий на мое «тело», оседающее быстро, как теряющий воду прорванный бурдюк.

Сам я, пользуясь моментом и мимикрией, копирующей на переднюю сторону кокона изображение находящихся за спиной предметов, бесшумно прокрался к выходу и шагнул за занавеску.

А вот теперь поиграем по новым правилам. Вытянув обтягивающий руку кокон, как тянут снимаемую лайковую перчатку, только раз в двадцать длиннее, просунул ее в щель занавеса и поднял к потолку. Само собой, заботясь о правилах мимикрии. По потолку кокон полз как муха, цепляясь крохотными коготками, а добравшись до начавшего озираться Хирда, спустился вниз пауком и осторожно коснулся герцогского плеча.

Тот даже подпрыгнул от неожиданности, хотя не зря гордится собственной выдержкой и невозмутимостью. Стремительно крутнулся на каблуках сапог, провел вокруг себя вытянутой рукой и замер, настороженно оглядывая углы ма-

ленькой комнатки.

– Ян?

– Нет, – отказался я в трубочку, которую на миг сделал из протянутой к нему перчатки кокона.

Весьма непростое действие, в чем-то сходное с умением управления куклой, висящей на десятке незримых нитей. Только тут я совместно с движением руками и приказом разума направляю и поток магии.

Хирд тотчас переместился вбок, одновременно обводя вокруг себя зажатым в кулаке амулетом и наконец осмотрел потолок. Очень бдительно, словно надеялся найти меня там.

Ну молодец, в правильном направлении мыслит, прятаться на потолках и колоннах я тоже умею. Но продержусь надолго, минуты три-четыре. Слишком много энергии уходит на удержание сотен крючочков, без которых никак не обойтись. Приклеиваться к поверхностям, как улитки, коконы адаптов не могут.

– Ты никогда не говорил... – так ничего и не обнаружив, произнес он медленно, начиная делать выводы, – о подобных умениях.

– Ты бы приготовился, – обвинил я в ответ, и на этот раз он мгновенно нашел взором конец кокона.

Не подозревая, что я уже успел его отделить. И пока мой названный брат пытался оторвать от потолка кусок тающей перчатки, я остальную часть, все удлиняя, намотал вокруг него тройной петлей. И теперь осторожно стягивал ее, стара-

сь не передавить шею, покрепче связать ноги и особо хитро закрепить руки, иначе он выскользнет раньше времени.

– Темные силы... – дернулся Хирд, очень быстро осознав бесполезность своих действий и обнаружив, что не может и шага ступить.

– Иллюзия, – ехидно пояснив в ответ, в свою очередь подхватил его на руки и устроил на кровати со всеми удобствами.

Пролежать тут его светлости придется не менее двух часов. На этот раз я не стану собирать из оставленного куска кокона свою магию, а наоборот, запрю.

– Хорошая иллюзия, – мрачно похвалил он, когда на мне растаяли последние следы каменной кладки, – можешь меня отпускать.

– Извини, Хирд, – вздохнул я с искренним сожалением, – мне еще нужно увести коня и добраться до замка. Ловить тебя второй раз мне некогда, а добровольно ты никогда не сдашься. А Густав на самом деле может нуждаться в помощи. Ты же мне и не простишь, если с ним что-то случится.

– Тогда пойдем вдвоем, – его светлость еще не потерял надежду договориться. – Обещаю... не буду тебя останавливать.

– Прости... – повторил я, копая могилу нашей многолетней дружбе и доверию. – но в одиночку я легко попаду туда, куда вдвоем нам не пробиться и силой.

– Ты очень уверен в себе... – в его оскорбленном взоре

мелькнула тень понимания, – и действовал весьма умело и быстро. Значит давно уже умеешь так делать и постоянно тренировался.

Я не отвечал, молча собирая все необходимое. Пояс с оружием и зельями, тонкий шелковый шнур, скалолазный молоток с удобной ручкой и петлей из шнура. В крайнем случае он прекрасно заменит любое холодное оружие. Ну и немного еды, до замка часа три скачки и лошади понадобятся передышка. Хотя я не собираюсь ехать на ней до самых стен, заранее выпущу возле какого-нибудь стожка.

– Ян... – холодно окликнул Хирд, когда я уже стоял у выхода, – если сейчас ты уйдешь один... можешь не возвращаться.

Ну вот и наступил этот проклятый миг... которого я давно ожидал, точно зная, что достойного способа его избежать просто не существует.

– Понял, – кивнул ему на прощанье и почти бегом ринулся прочь, устремляясь в тот проход, из которого можно было только скатиться на дно оврага.

Минуты, отпущенные мне на все задуманные дела, таяли просто стремительно.

Глава четвертая

Хигверд:

Мелкий мошенник давно уже исчез, а я всё еще не верил до конца в его уход, и напрасно крутился в постели, пытаюсь снять совсем не иллюзорные путы. И как я умудрился проворонить рядом с собой столь искусную западню?

Хотя можно не сомневаться, сам он, без помощи моих родственников, никогда не сумел бы так ловко все устроить. Следовательно, все они были в курсе его невероятный умений... и их величества и Гарл. И это обидно втройне. Пока я, считая его братом, а потом воспитанником матери, защищал мелкого и всюду таскал за собой, кроме тех мест, куда ему ходить было рановато, Ян втайне упорно тренировался, готовясь стать моим телохранителем. И молча сносил все ехидные подколки и шуточки... раньше меня осознав, за что его кормят.

Вспомнив свои последние слова, брошенные вгорячах от обиды и бессилия, люто скрипнул зубами. Прости меня, Ян и забудь... как забыл все прошлые выпады... это же не со зла, а от тревоги за тебя. Спутники проклятой гиены вовсе не паркетные шаркуны, и оружие у них боевое. А темный маг, которого откуда-то выкопала гадюка, единственным брошенным

издали взглядом заставил ощутить себя загнанным в капкан затравленным волком.

Дернувшись еще пару раз, я притих, осознав, как напрасно трачу силы и время. Раз выбраться до срока не получится, нужно использовать эти часы с пользой, тщательно все обдумать и решить, как действовать, если он не вернется.

От зеркала донесся пронзительный от злости крик и я невольно приподнял голову, желая рассмотреть, чем там недовольна интриганка, которую Ян мстительно зовет то прекрасной гиеной, то подлой феей.

– Зачем вы везли эту гадость? – вопила Грета, – я не ем яичный соус!

– А омлет утром ели, – невозмутимо припомнил один из наемников.

– Ты не понимаешь разницы между омлетом и соусом? – ядовито осведомилась мадмуазель, и кровожадно пообещала, – как только вернемся в замок – пойдешь на кухню и будешь там сидеть, пока не выучишь все блюда, которые я не ем! А сейчас подавайте второе.

– Оно уже тут, – воин смотрел на капризную нанимательницу хладнокровно, словно был ее отцом или опекуном.

– Где? – с затаенной яростью осведомилась она, хищно рассматривая супницы и жаровни со снятыми крышками.

– В какой-то чашке, – пожал он плечами, и в тот же миг ему в лицо плюхнулось содержимое самой большой посудыны.

– Забери себе, если это второе! А мне принеси фазана погорски!

– Всё тут, – отвернувшись, сообщил наемник и пошел прочь, отирая с лица густую массу, похожую на грибной паштет. Время от времени он совал кусочки в рот и громко причмокивал, облизывая пальцы, явно нарочно зля все громче вопившую Грету.

– Пора возвращаться, – заявил темный маг, блеснув на мадмуазель неприязненным взглядом, – ждать тут бесполезно и вредно для здоровья. К тому же скоро пойдет дождь.

– Эй, парни! Седлайте лошадей и собирайте вещи, пора домой. – тотчас скомандовал наемникам Юлиус.

– Давно пора, – фыркнул их главарь и холодно кивнул в сторону свирепствующей Греты, – собирать за ней посуду мы не будем.

– Вам платят за выполнение приказов, – сухо напомнил Юлиус, – и весьма щедро. Ее брату не понравится, если она нажалуется.

– Ее брат нанимал нас в охрану к хрупкой мадмуазель, – саркастично ухмыльнулся наемник, – а не бешеной тигрице. Она сама...

Договорить он не успел, от кустов шиповника, за которыми паслись на берегу ручейка стреноженные и привязанные к ивам кони, раздался тревожный свист.

– Что там еще? – обернулся главарь.

– Коней нет... – выскочивший на поляну наемник держал

в руках перемятые и пожеванные ремни, – и следы медвежьих.

– Но они не ржали... – мгновенно сделал вывод главарь, – а куда ведут следы?

– Во все стороны... там натоптано, словно хозяйничало стадо мишек... – озадаченно хмурился воин.

– Посидите тут... – поднялся с места маг и торопливо направился к ручью.

– Сорванец... – с досадой прошипел я, сразу сообразив, чьих рук это дело.

Не мог потихоньку взять одного коня, как будто он сам отвязался? Тогда они уже уехали бы на остальных, ведь выючная лошадка в отряде была. А теперь будут сидеть, пока не отыщут весь табун... может час или два... а тем временем и дождь соберется. Придется им лезть в нашу избушку... чего доброго, еще и ночевать останутся и печку топить решат.

И тут я ясно понял, что именно на это он и рассчитывал, мой ехидный братец. Вот же жук мелкий, все продумал! Конечно, чем больше времени будет у него в запасе, тем крепче надежда на спасение Густава. Я и сам бы так поступил, если знал, что сумею уйти незамеченным.

– Собирайтесь и за мной, – выглянув на поляну, властно приказал маг, – далеко они не ушли. Полтора десятка коней не так просто провести через кусты и болота, особенно в это время.

– Чем оно особенное? – Снова взъелась Грета, и тут же забыв про свой вопрос, категорично объявила, – я пешком

не пойду.

– Ну посидите пока в хижине, – равнодушно буркнул командир наемников, – как только мы поймем коней, так кого-нибудь за вами пришлем.

Вскинул на плечи связанный из одеял баул и посвистывая пошел прочь.

Вслед ему понесся новый взрыв негодующих воплей, но на этот уже привычный крик никто не обращал никакого внимания. Только Юлиус, сложивший в явно заговоренный мешок серебряную посуду, проходя мимо сообщил:

– А особое это время потому, что лето только началось, и болота еще почти непроходимы после зимних снегопадов и весенних ливней.

– А зачем мне знать про какие-то ливни? – На миг остолбенела Грета, потом оглянулась, и обнаружив, что осталась одна, с возмущенным ором ринулась догонять графа.

Скатертью дорожка, с ненавистью плюнул я им вслед, яро жалея лишь об одном.

Что прозрел слишком поздно. Если бы рассмотрел ее шакалью сущность хоть пару лун назад, ни за что не стал бы умолять Гирда пощадить обожаемую на тот момент мадмуазель Форсье. А ведь он всерьез собирался выставить гадину из замка, даже указ уже подписал. За дело, нужно признать.

Слишком грубо обращалась Грета со слугами, особенно с горничными и белошвейками. Не просто капризничала и ругалась, но и измывалась, не гнушаясь даже наказывать соб-

ственноручно. Могла облить супом, надавать пощечин, оттащить за косы или заставить стоять на коленях.

Сейчас я и сам выкинул бы гадину... и слушать не стал, а тогда наивно верил, будто все они строят ей козни, потому как завидуют или подкуплены соперницами. Нет, завидовать несомненно есть чему, оболочке.

Жаль только, боги по ошибке поместили в этот прекрасный, совершенный по форме сосуд, смердяще мерзкую, злобную сущность, считавшую себя выше всех. И желавшую лишь одного, влезть на трон, и неважно, если карабкаться придется по головам.

Прежде, заступаясь за красотку, я объяснял ее поступки обидой на судьбу. Мать Греты имела титул баронессы, но не обладала никакими средствами к жизни и потому вышла замуж за богатого купца. Ей удалось каким-то чудом передать по наследству свой титул первенцу, но с дочерью это не прошло. Вот и осталась Грета просто мадмуазелью, хотя по сути давно не соответствует этому званию.

Но даже несмотря на это стать моей женой, или фавориткой упорно не пожелала, предпочитая менять как перчатки богатых любовников. И я всегда точно знал, почему.

Просто, как и большинство придворных, считала меня ничем, и потому недостойным своего внимания.

Разумеется... на самом деле все абсолютно не так, как кажется непосвященным. Тем, кто наивно верит, будто король с королевой могут отправить младшего принца зарабатывать

деньги тяжким трудом.

Да, на личных счетах в королевском банке у меня лежат лишь относительно скромные капиталы, полученные в наследство или подаренные по разным поводам разными людьми. В основном родственниками, но не забывают и послы и всевозможные миссии, в которых я состою для придания им весомости. Однако за покупки я всегда платил оттиском печатки, подаренной мне дедом на первое совершеннолетие, случившееся еще десять лет назад. И за эти годы никто ни разу не спросил, куда я потратил эти деньги.

Но рассказывать об этом кому-либо я не имел никакого права. И потому не покупал Грете драгоценностей, интуитивно опасаясь пробудить в ней неизбежный интерес к источнику моих доходов.

Зато дарил фамильные украшения... о чем теперь не могу вспомнить без зубовного скрежета. Тогда она брала их небрежно, как скромные безделушки, и почти никогда не надевала. Зато теперь носит напоказ не снимая, объясняя всем желающим, откуда они у нее взялись.

И это бесит просто непередаваемо. Не только меня... даже Ян кривится, заведев ее сияющее приторной улыбкой лицо в обрамлении фамильного гарнитура из сапфирового ожерелья и серег. Хотя обычно помалкивает.

– Предлагал ведь взять у Жагендо, – не сдержался лишь раз, и тотчас смолк, уколовшись о мой мрачный взгляд.

Да я и сам сто раз пожалел. Но не о своем отказе поку-

пать у ювелира украшения за деньги Яна. У мелкого их еще меньше, чем у меня, и потому я никогда бы на это не пошел. Хотя до сегодняшнего дня наивно считал, будто ему они и не нужны... живет в замке, одевается у моего портного, даже имение где-то есть...

Ну и пусть неприбыльное, это абсолютно не важно. Ведь я никогда и ни в чем ему не отказывал... хотя он невероятно скромнен в этих вопросах и ни разу не попросил ничего излишнего.

Но только теперь во мне наконец созрело отдающее горечью понимание, что всё это было платой за его работу.

Ощувив, как от стыда и досады вскипает, рвется на волю огненный дар, я невольно зашипел и сорвался с места. Пробежался по тесным клетушкам подземного убежища, злобно представляя, как разоблачу проклятую Грету и стража вышвырнет гиену за замковые ворота. Конечно... значительно приятнее было бы лично сбросить ее прямо со стены, но так я никогда не поступлю. Скорее ради выброса гнева ошпарю с десятков рож наглым контрабандистам или сожгу пару воровских притонов, недавно обнаруженных сыскарями в Дерле.

Но пока всего лишь нашел на кухне котелок с остатками каши и сел доедать, внезапно осознав, что странные пути Яна растаяли бесследно. Значит он не собирался запирать меня надолго... просто взял фору. В таком случае незачем мне здесь сидеть... пока охотники за моей свободой ловят

коней, я уйду другой тропой, известной лишь нам с Яном.

Глава пятая

Януар:

Уходя из убежища, я оставил в своем закутке большую часть одежды, прихватив взамен всегда стоявшую на самом виду невзрачную котомку с сушеными травами. Прятать её от Хирда не было необходимости, брат не испытывал к задохшим венчикам никакого интереса, и никогда не стал бы в них копаться. И потому спрятанный на дне тощий сверток оставался в полнейшей безопасности. Как и мои секреты.

Прежде, чем выскользнуть из прохода, я аккуратно подвернул повыше штанины полотняных портков. Затем натянул поверх старой зеленой рубахи простенькую юбку из серенького ситца в мелкий цветочек. Подол пока подоткнул за пояс, рядом повесил сильно поношенные женские ботинки того невзрачного фасона, какой носят лишь старухи. Голову повязал выцветшей косынкой, с усмешкой представляя, как сейчас изумился бы Хирд, увидев меня в этом наряде.

Но еще больше его потрясло бы лицо, привычно вылепленное коконом. Старую травницу тетушку Ари, время от времени приносящую герцогскому лекарю редкие травы, знал весь замок.

Прыгать вниз из едва заметной дыры, больше похожей на

притаившуюся под камнем лисью нору, я не собирался. Внизу еще слишком сыро, и ползать по глинистым склонам не лучшая затея. Поэтому просто снова вытянул кокон правой руки, уцепился за стволник орешника и вытащил себя наверх.

Мгновенно сменив облик кокона на медвежий, осторожно пробрался к коновязи, зная что чуткие кони хотя и увидят медведя, но сначала почуют ядреный запах сушеных трав, и потому поднимать шум не станут.

Слегка пригнувшись, я скользил между ними, обрывая мощными лапами веревки привязи и пут, и собирал поводья, сплетая их концы в один жгут. Тропы тут узкие, и пройти по ним быстро можно лишь одним способом, заставив коней двигаться цепочкой. А для этого нужна особая связка, не позволяющая ни шагу сделать в сторону.

Первым я мстительно поставил крупного, выносливого Карата, любимого коня Юлиуса. Именно на него и вскочил после того, как стремительно побегал по поляне, оставляя запутанные дорожки медвежьих следов и сменил облик.

Теперь никто не отличил бы меня от хозяина животного, да и сам Карат, хотя почуял чужой запах, но голос и одежду признал. А запах... мало ли где мог его подцепить слишком пройдошливый граф?

Первые сотни шагов моя связка двигалась осторожно и неспешно. Мне очень не хотелось прежде времени спугнуть «охотничков» о чем-то вяло споривших с визгливой стервой. Но едва миновав развилку, пустил коней рысью. Они шли

покорно, дополнительно к поводьям придерживаемые крепкой рукой моего вытянувшегося кокона.

Однако тащить всю связку до самого замка я не собирался, и примерно через лигу оставил за кустами лошадку, шедшую до этого последней. И в следующий час регулярно отвязывал по одному животному и отгонял в сторонку. Пряча за валунами, кустами, или выворотнями. Разумеется, не из вредности, а просто не желая, чтобы они последовали за нами. Там, где свободно проеду я, сверяясь с давно заученными приметам, лошадь может оступиться и попасть в трясину.

Еще через час я добрался до лужка, уставленного первыми стожками и зародами и спешил. Привязал коня возле ивы, неподалеку от расчищенного селянами спуска к ручью, и побежал к дороге, накинув иллюзорный кокон сельского парнишки. Ни у кого из встречных путников такой облик не вызовет никаких подозрений, все они уверены, что деревенские подростки целыми днями гуляют с корзинками по лесу и купаются в речке.

А обитателей деревни в разгар сенокоса на улицах не встретишь, все там, где закладывается благополучие семьи на грядущую зиму. Будет сенцо – будут и молоко, сливки, творог, сыр и многие прочие вкусные продукты. Ну и серебряшки, конечно, хорошая коровка и семью кормит и доход дает.

Пробежав по луговым тропкам к окраине Вишняков, со-

седней с замком деревни, я со всеми предосторожностями прокрался к небольшой, потемневшей от времени избушке. Но внутрь вошел не сразу, сначала тщательно проверил все тайные сторожки и невинные ловушки. Вроде слоя густой глины под рогожкой, лежащей у ступенек узкого крылечка. Её и захочешь – не обойдешь, оставишь пусть и нечеткие, но заметные отпечатки.

Но хотя для неожиданных и незваных гостей на двери повешен огромный амбарный замок, красноречиво намекающий что хозяйки нет дома, далеко не все из них достаточно сообразительны. Да и недоверчивых тоже хватает. Я сам видел, как один из половых, служащий в единственном сельском трактире, подергав замок, заглядывал в мутные стекла крохотных оконцев и громко зывал:

– Тетушка Ари, ты дома?

К счастью, сейчас у моего законного логова никого не было, и следы не казались опасными. Да и были порядком подсыхшими.

Судя по всему, мое долгое отсутствие как обычно никого в деревне не взволновало. Я намеренно приучил соседей к своим длительным походам за редкими травами, и потому никто никогда не бросался на мои поиски.

Со вздохом облегчения сменив в пустующем сеннике облик, прихватил охапку подсыхших трав и направился в избушку. Там я хранил особые вещицы, из тех, которые не требуются в повседневной жизни, но могут пригодиться в час

испытаний. И очень скоро, снарядившись и заполнив торбочку редкими травами и настоями, которые обычно скупал герцогский лекарь, я уверенно топал в сторону замка.

Дорога была почти пустынна, для гостей, приезжающих к ужину, еще рановато, а для торговцев, устроивших на привратной площади рынок, поздно. Почти все они старались распродать товар до обеда и вернуться домой или в трактир. Лишь садовница Луша сидела у корзины с букетиками полевых и садовых цветочков, да помощник трактирщика, толстый Фрим протирал белой тряпицей пивные кружки. Его бочка, в которую вечером впрягут тихую рыжую лошадку была заботливо накрыта толстой кошмой, перекисшее пиво не тот продукт, за которое мучимые жаждой стражники скажут спасибо.

Впрочем, стражников поблизости не было, и ворота оказались закрыты. Проклятая гиена, из-за нее замок вторую луну живет на осадном положении. Даже смешно иногда становится... когда вспомнится, как беспечно тут всё было распахнуто при Гарле. А теперь стража бдительно следит, чтобы за ворота не проник никто чужой.

И обиднее всего, что не пускать в замок саму Грету никак нельзя. Получив корону Хирд сгоряча назначил ее фрейлиной. Вопреки всем правилам... тем самым опрометчиво ставя мадмуазель в особое положение.

А теперь и сам локти кусает, но сделать ничего не может, если не хочет уронить авторитет еще ниже. Серьезные пра-

вители не имеют права менять свои решения по три раза на день, подобно пустоголовым ветреницам.

– Тетушка Ари, зайдешь? – справился с привратной башни сержант Пинкс.

– Могу и не заходить, – равнодушно буркнул в ответ, – если вы пошлете кого-нибудь за лекарем. Себриусу зачем-то потребовался первоцвет.

– Дак он давно отцвел... – проявил свою осведомленность один из молодых стражей.

– Умник, – похвалил я так же невозмутимо, – беру тебя в ученики. И для начала открою страшную тайну, нарвать цветов Себриус и сам может. Но нужно знать места, где они целебнее всего, выбрать для сбора точное время и правильно развесить травы на просушку. Чтобы через три декады получить душистый ингредиент, а не сено.

Парень сразу скис, а его сослуживцы выдавили бледные усмешки, свидетельствующие о их поголовном неведении о подобных тонкостях ремесла травознаев.

Однако калитку открыли беспрекословно и пропустили меня в широкий замковый двор безо всяких проволочек. Но пока я шел к крыльцу старинного дворца, дружно прожигали мне спину бдительными взглядами.

А на крыльце меня ожидал первый сюрприз. Капитан тайной службы герцога господин Густав Роуг собственной персоной. Живой, здоровый и совершенно невредимый.

И по обыкновению настороженный и хмурый.

– Что в сумке? – не удостоив меня даже мимолетным приветствием, сухо осведомился он.

– Травы и настои, – ответил ему так же хмуро.

Добротой и приветливостью тетушка Ари, четыре года назад купившая в деревне самую неприглядную хатенку, никогда не страдала.

– Покажи.

– Прямо здесь? – осведомился я с прежним равнодушием.

– В караулке, – помедлив, процедил он и распахнул дверь.

Неторопливо пройдя внутрь, не забывая слегка шаркать ногами, как большинство людей, привыкших прощупывать незнакомую тропу, остановился, ожидая дальнейших указаний.

Откуда мне знать, где тут у них караулка? Тетушку Ари туда никогда не приглашали.

– Налево... – просверлил меня недовольным взглядом капитан, а я вдруг ощутил непонятное пока, но отчетливое напряжение.

И оно все нарастало, как тяжкая тревожность надвигающейся грозы. Что-то в происходящем было неправильно... неестественно... и сформировать внятное объяснение пока не получалось даже мысленно. Но я к этому и не стремился.

Да и не видел смысла.

Не в моих привычках при малейшем намеке на опасность начинать метаться с выпученными от страха глазами, рыдать и задавать тупые до невозможности вопросы. Мне вполне

хватило интуитивного осознания непонятной пока угрозы, чтобы вмиг кардинально поменять планы.

Тем более Густава теперь спасти не нужно, он подозрительно бодр и спокоен для телохранителя, у которого до сих пор не вернулся хозяин, уехавший на утреннюю прогулку.

– Ставь сюда, – приказал капитан, указывая на стол, и по кривой, мрачной усмешке я вдруг понял, что сейчас моим травмам придёт конец.

Не то чтобы мне было их жаль, сам я, разумеется, ничего не собирал и не варил, покупал у коллеги в Дерле. Ну разве что охапку мяты или зверобоя в суму для прикрытия мог бросить. Но истинную цену правильно собранным травам отлично знал, и вовсе не ту, какую платит целитель.

А ту, что станет спасением от боли или кровотечения какому-нибудь из бравых парней, что недавно пытались посмеяться над старой травницей. Ведь протыкают они друг друга и ломают руки-ноги с печальным постоянством.

– Касаться трав никому не позволяю, пока не получу оплату, – сообщил я твердо, готовясь драться за каждый пучок чистотела, – потому как неумелые руки силу травы могут вполтину скостить. Смотрите из моих рук, доблестный господин.

– Показывай... – недовольно процедил он и я ловко выложил на стол свои припасы, называя каждую траву и каждое зелье.

А потом сунул под нос Густаву пустую суму, издеватель-

ски хихикая про себя. Все остальное давно спрятано на мне, под двумя слоями кокона.

Так уж вышло, что с одним я не расстанюсь никогда с того момента, как попал в медвежью берлогу. А второй создаю в таких вот случаях, и он может быть намного больше и сильнее меня. Но к сожалению, ни на гран меньше, бегать по стенкам мухой не может никто. Кроме сказочных принцев, и злодеев.

– А в карманах? – Закончив тщательное изучение флаконов и баночек уставился на меня человек, которого еще час назад я искренне уважал и собирался спасти, рискуя жизнью.

А теперь презирал так же истово, уже ясно осознав, что он просто тянет время. И значит откуда-то узнал о моих секретах и продал меня с потрохами.

Но думать, как он достал хранившуюся в строжайшей тайне информацию, и почему так поступает, я буду позже, когда уйду из замка.

А сейчас мне пора с ним расстаться и сделать напоследок подарок старшему брату... на память.

Почувствовав, как кто-то внезапно обхватил его со спины, и дерзкие сильные лапы мгновенно лишили возможности сопротивления, крепко опутав и примотав к телу руки, Густав несказанно изумился. Он явно не подозревал, что бывают адапты, которые могут вытянуть из кокона дополнительную пару рук и незаметно просунуть их под столом.

Глаза капитана широко распахнулись от потрясения, рот приоткрылся, готовясь испустить возмущенный крик или позвать на помощь. Но на губы предателя мгновенно легла еще одна призрачная лапа, не позволяя издать и звука.

Не нужен мне лишний шум... и его разговоры тоже не нужны. Я не раз слышал, как он учил Хирда соглашаться с врагами, если доведется попасть в ловушку.

– Обещай им всё, чего ни потребуют, – твердил капитан, – и даже больше. Нет ничего глупее, чем спорить с преступниками, которые держат руки на приставленном к горлу ноже.

Но мне с ним договариваться не о чем, хотя сказать пару фраз я, пожалуй, не откажусь.

– Тише, господин капитан, – поднося к его лицу флакончик с зельем, предупредил с ехидством, – не нужно шума. Лучше отдохни немного, но сначала глотни успокаивающего.

Свои слова я сопровождал действием, развернул воронкой лапу, которой зажимал его губы, потом стиснул капитану ноздри, заставляя открыть рот. Сопrotивлялся он недолго, сверкнул на меня полным упрека и горечи взглядом и сдался.

Но все же попытался схитрить, не глотать зелье, а сплюнуть сквозь зубы. Да не сообразил, что я был невольным слушателем его уроков, хотя обычно занимался в это время совершенствованием собственных умений. И потому долил в воронку воды из стоявшего на окне кувшина.

Запахло ядреным ячменным пивом, выдавая маленькую хитрость стражей, но мне такая замена была лишь на руку. Пусть его подопечные думают, будто Густав в кои-то веки хватил лишку, приложившись к запретному питью.

– Не криви рожу, предатель, это не яд, а всего лишь успокаивающее... ненадолго. – прошипел я поспешно делая сразу два дела.

Одной парой рук складывая в суму свои товары, а второй втискивая Густава в кресло и намертво к нему приматывая. Потом запер в них силу, всего на полчаса, мне этого хватит, и отделил от кокона.

– Ы-ыы – попытался протестовать капитан, не вызвав во мне никакого сострадания.

Лишь взрыв праведного гнева.

– Ну да, – я приторно улыбнулся в его злую рожу, – предатель. А как ещё называется капитан тайной стражи, спокойно гуляющий по замку и попивающий пивко, когда его хозяин голодный и измотанный погоней с утра сидит посреди болота на сырой кочке и грызет корешок аира? Можно еще назвать подлецом, продажным шакалом... на выбор. Если не знать, что именно по твоей вине младший принц, почти насильно втиснутый в герцогскую корону, едва не стал самым знатным из преступников последнего столетия. Если бы ты верно ему служил, он никогда бы оказался в роли дичи, загнанной в угол кучей наемников, которым другая продажная тварь громогласно объясняет, каким образом заставит гер-

цого на ней жениться.

Густав помрачнел и побледнел, но упрямо стиснул зубы, не издав более ни звука. А меня уже несла волна ярости и боли за Хирда, которого из-за этого предателя пришлось обманом оставить в убежище одного.

– Все очень просто, – кротко поведал, глядя капитану прямо в глаза, – она собиралась заставить наемников отрезать Яну уши, потом пальцы... до тех пор, пока герцог не подпишет обязательство. Вот в этот момент с ладоней Хирда и потекли огненные змеи... и у мадмуазель шлюхи был очень большой шанс стать головешкой. Вместе с обхаживающим ее Юлиусом и остальной сворой шакалов.

Капитан побелел еще сильнее, и на его лбу выступила испарина.

– Поэтому предупреждаю... когда он вернется, ты напишешь прошение об отставке. Причину придумай сам... и не пытайся увильнуть. Иначе никого не найдешь в домике на окраине Дерла... речь идет о юной голубоглазой девице... если ты еще сомневаешься в моей осведомленности.

Вот теперь он проникся... по лбу уже ручьи бежали, а в глазах застыл неподдельный ужас.

– За предательство нужно отвечать... – бросил я от двери и по какому-то наитию добавил, – даже если тебя к нему принудили. У честных людей всегда есть запасной выход... ты сам это утверждал.

Дальше я бежал почти бегом, коря себя за неуместное

объяснение с Густавом и отлично понимая, почему так поступил. Просто хотелось отомстить ему прямо здесь и сейчас, причинив такую же боль и обиду, какие испытал я сам.

В приемную целителя ворвался так поспешно, как ни разу до этого, но оправдание уже успел придумать.

– Где мастер Себриус? – рявкнул на сидящего за столиком ученика и по совместительству секретаря.

– У себя – испуганно вскочил он и попытался прикрыть дверь своим тощим телом, – но... к нему нельзя!

– Мне можно, – отодвигая его легко, как котенка, уверенно заявил я и ворвался в кабинет целителя, – вот ваш заказ.

Водрузил на стол порядком перемятую суму, оглянулся, ища пациента, но никого не обнаружил. Кроме почему-то бледнеющего мастера.

– И будьте добры, – сразу сообразив, что и этот предупрежден, процедил с презрением, выдайте мне все причитающиеся деньги и аванс на будущее. Мне предложили очень редкие травы, но ехать нужно немедленно, иначе перехватят.

– Да, да, – с облегчением забормотал он, – но нужно подождать. В моем сейфе не наберется такой суммы. Сейчас я отправлю ученика к казначею.

– Открывайте, посмотрим, что там имеется, – нахально предложил я и он снова начал бледнеть.

Как мерзко иметь дело с людьми, которые вдруг начали лгать прямо в глаза!

– Поторопитесь, меня ждет у ворот повозка! – отплатил

ему той же монетой.

– В-вот... – дверца сейфа медленно распахнулась, являя нашим взорам кучку стандартных банковских мешочков по пятьдесят золотых.

Похоже, за предательство нынче платят очень недурно. И в таком случае грех ему не поделиться со мной, ведь как никак мы в одной лодке. Но я хоть намерен искупить свою вину... как сумею.

– Мне хватит и этого, – объявил невозмутимо, протянул руки и сгрёб всё содержимое сейфа, благо с моими способностями это очень просто, – А себе возьмете у казначея.

Развернулся и ринулся прочь, по пути рассовывая по тайным карманам кокона неожиданно свалившееся богатство. Прикидывая, где бы его на всякий случай обменять... обилие комаров в наших костюмах начинало находить неожиданное объяснение.

Следующим пунктом в моем плане было посещение собственных комнат, однако теперь я раздумал входить туда как обычно, через дверь. Пойду другим путем.

И для начала мне необходимо сменить одежду. Конечно, можно спрятать ее под коконом, но сегодня придется потратить много сил, и лучше их поберечь. Потому и свернул я не к лестнице на второй этаж, а в темный коридор, ведущий во владения прачек. Многие из обитателей замка и не подозревают о существовании этих тихих тружениц, и никогда не задумываются, откуда берутся стопки белоснежных крах-

мальных салфеток, скатертей и пахнущего солнцем чистого исподнего.

В первой же комнатке, куда горничные стаскивали корзины с мятыми простынями и всем прочим, сосредоточенно сортировала белье крупная женщина средних лет. Старшая прачка Карра, моя почитательница и почти подруга.

– Ари? – удивленно глянула она и бдительно заглянув мне за спину, справилась, – ты прячешься?

– Собираюсь, – сказал я мрачно, – и буду должна, если ты объяснишь, что происходит.

– Нас предупредили... тайно, – мгновенно щелкнув запором, шепнула она, – будто ты сильный маг, который скрывается под личиной травницы.

– И все поверили, – скрипнул я зубами, но она неожиданно улыбнулась.

– Конечно, после того, как твои зелья вылечили мне ноги, я точно знаю, что ты не простая травница.

– У Себриуса такие есть, я сама приносила, – возразил я, начиная подозревать, что лекарь по каким-то причинам бережет мои товары.

Или же выбрасывает?

– Он жадноват, – отмахнулась она, – и самое сильное выдает только знатным господам. Но времени мало, чем тебе помочь?

– Переодеть, – честно сказал я, – лучше в темный мужской костюм, какие носят слуги, только без всяких знаков...

– Найду, – кивнула она и указала на чулан, – посиди там минутку. Да не волнуйся, Карра еще никогда не отвечала на добро злом и никогда до этого не дойдет.

– Я оставлю тебе флакон зелья, – пообещал я, – на память. Оно снимает боль и лечит все воспаленные раны и простуды.

Хотя я и не знахарь, но за четыре года торговли травами и пенёк выучит, чем какие болячки нужно лечить.

Она прибежала всего через две минуты, когда я уже снял с себя все вещи травницы и сидел, скрытый коконом, изображавшим скромное женское белье. Смешно конечно смотреть в стареньком треснутом зеркале, вот только смеяться мне почему-то ни грана не хочется.

Костюм оказался чуточку великоват, но к штанам прилагался ремень, а жилет я попросту не взял, заявив, что и рубахи довольно. Закатал рукава, повязал на шею потертый шелковый платок и ушел, оставив Карре женскую юбку и флакон с подробной памяткой.

Глава шестая

Януар:

Едва выйдя из прачечной, я сменил верхний кокон на точную копию дремлющего в караулке Густава, у которого был доступ во все помещения замка. Но главным доводом при выборе этого образа стало все растущее беспокойство за Хирда.

Все меньше верилось, что он будет послушно сидеть в убежище, дожидаясь моего возвращения. Не тот у принца характер, чтобы позволять кому-то собой управлять. Даже брату... хотя этот титул уже потерял мною безвозвратно. Зато осталось право личного телохранителя, данное вовсе не Хирдом и я был намерен оправдать это доверие. И исправить все, что сумею.

И потому снова ринулся в караулку.

Свисток, с которым Густав не расставался, нашелся на законном месте, за пазухой капитана, и вмиг поменял хозяина. Но прежде чем свистеть, пришлось прятать в умывальню кресло со сладко сопевшим предателем и запирать покрепче. Может спокойно спать еще минут пятнадцать.

В ответ на особый свист, не слышимый никем, кроме обладателей значков телохранителей, раздался дружный топот

и в караулку ворвалось с десятков крепких парней. Армия Густава, и каждый из них в бою стоит четверых.

– Все по коням, отправляетесь за его светлостью... – копировать тон и мимику капитана мне удавалось легко, видел такие сборы не менее сотни раз.

– Но ты говорил... – почему-то засомневался один из парней.

– Обстоятельства изменились. – сверкнул я в ответ грозным взглядом, – мелкий утонул... Хирд мечтает сжечь всех, кто их ловил. Поэтому берете только его, и везете сюда. Ясно? Никого больше, ни раненых, ни слабых!

– Будет выполнено! – подтянулись телохранители и опрометью ринулись прочь. А я усмехнулся, бросил свисток в ящик стола, и отправился в покои Греты.

Подозрение, что сегодняшняя охота была не случайностью, а хорошо распланированной загодя операцией превратилось в твердую уверенность и теперь мне в тысячу раз сильнее чем прежде не хотелось оставлять брата одного.

Но менять своё решение все же не буду... кто-то очень настойчиво меня к нему подталкивает, и я начинаю догадываться, кто. И эта догадка впивается в сердце острым шипом... раня до крови.

У покоев прекрасной гадины дремал в кресле увешенный оружием наемник, и я не стал его трогать. Просто влил в приоткрытый рот снотворное зелье. Немного, ложечку, он сонно почмокал губами и счастливо всхрапнул, даже не по-

чувствовал, как я снимаю с его шеи ключи.

Мне бы такую службу, – вздохнул про себя отпирая дверь и снова сменил образ.

В покоях гадины просто не могло не стоять каких-нибудь следящих амулетов, и потому с этого мгновенья я был её двойником.

Пусть теперь докажет, что не сама тут бродила. Первым делом, выбрав в гардеробе несколько одежек, как по карманам рассовал их под верхний слой кокона. Грета весьма фигуристая красотка, и мест для тайных складов вполне хватает. Затем нашел ее шкатулки с драгоценностями и безошибочно выбрал все те, что когда-то подарил красотке Хирд. Гиена получила их с помощью амулета очарования, а использовать такие вещицы с целью наживы запрещено. Следовательно, мадмуазель владела украшениями незаконно. Доказывать это обязан прокуратор, вряд ли гиена решится подать в суд, если я верну Хирду отнятое обманом родовое наследство. Но на всякий случай постараюсь сделать все, чтобы отбить у нее даже малейшее намерение чего-то требовать от Хирда.

Хотя жалел он вовсе не ценные камушки. Обиднее всего для принца стало осознание его собственной слепоты и доверчивости. Недопустимо с его даром не заметить влияния мощного артефакта. Жаль, сейчас этой вещицы здесь нет... но с ней Грета не растается никогда.

Из комнат мадмуазель я направился напрямиком в покои

Хигверда, благо они неподалеку. Спрятав украшения в тайник, изобретенный когда-то лично мною, оставил брату записку с намеками, которые поймет только он, вздохнул и полез в окно. Мои комнаты через стенку и этот путь знаком мне наизусть. Когда Хирду хотелось поговорить или тайком прогуляться по Дерлу, соседнему городку, считавшемуся столицей Дэнзора, он просто стучал кочергой по древним камням, и я перелезал через подоконник.

В моих покоях внешне все было как обычно, но чужие следы обнаружались почти сразу. Хотя кто-то обыскивал комнаты или устанавливал следилки очень аккуратно и профессионально, но не нарушить моих крошечных сторожек все же не сумел. И поэтому я не стал убирать облик Греты, ей вполне хватило бы ума тут полазить, если бы она умела ходить по карнизам. Забрав тощий кошель со своими ценностями, чуточку посомневался, затем с усмешкой бросил посреди стола ключи и документы на поместье Невенс, принадлежащее согласно завещанию и королевскому указу графу Януару Невенс.

А я не граф, и не Януар, это имя дали мне в память о том зимнем месяце, когда охотники нашли в берлоге странного медвежонка. И жить дальше буду так, как сумею, надеюсь лишь на свои силы, а не чужие подачки и обещания.

Вернувшись тем же путем к покоям проклятой Греты, достал из ее шкафа нарядную голубую амазонку, сапожки и шляпу с перьями и вуалью. Наскоро переоделся, сняв лишь

рубаху, шагнул к зеркалу и по памяти воссоздал на груди и в ушах кокона все украшения, которые недавно вернул законному хозяину.

Приколол шляпку к пышным локонам золотистого парика, прихватил фляжку из-под вина, налил морса и направился к выходу. Здесь мне больше делать нечего.

Ну разве кроме скандала, причем особенно буйного. Визгливо и грязно ругаться я начал еще на лестнице и слуги мигом попрятались, как увидавшие злобного кота мышки. Правильно сделали, некогда мне на них отвлекаться.

– Коня! – заорал я, едва выйдя на крыльцо, и бесцеремонно приложился к фляге, – и немедленно! Бездельники, дураки грязные! Где вы там застряли!

Конюх примчался через минуту, и все это время я не умолкал. Перемежая ругань глотками «вина», припоминал обитателям замка все несуществующие промахи и недостатки, обзывал грязной нищенской мерзостью и их замок, и их самих и их хозяина. И со всё растущей досадой ждал, возмутится хоть кто-нибудь или нет?

Ну почему они все такие запуганные... или осторожные? Ну неужели ни у кого не хватит смелости сказать хоть словечко против?

Взобравшись на лошадь, двинулся к воротам, продолжая поливать руганью всех подряд, и ловя себя на том, что повторяюсь по третьему разу, не находя в своем лексиконе достаточно слов. А вот Грета могла два часа орать без передышки,

и все время изобретать новые оскорбления. Похоже, никогда мне за ней не угнаться.

– Сама хает нашего герцога, а сама носит его драгоценности... – с ненавистью буркнул кто-то со стены, когда я уже выехал за ворота и они поспешно закрылись.

– Ах ты гаденыш! – так и взвился я, мысленно благодаря стражника за смелость, – думаешь мне никто получше не подарит? Да этим потертым безделушкам давно пора на переплавку! Пусть ваш жадный трусливый герцог подавится своими подарками, не нужны мне ни они, ни он сам!

С этими словами я срывал с себя иллюзорные украшения и бросал в глубокий крепостной ров, на треть заполненный жидким илом, в котором не только украшения, валун не сыщешь.

На стенах вмиг смолкли, наблюдая за моим буйством, но когда все закончилось и я направился прочь, сержант Пинкс вдруг с яркой ненавистью крикнул вслед:

– Эй мамзель! Не вздумай вернуться, иначе я сам заставлю тебя вычерпывать ведерком ил!

– Да зачем мне ваш паршивый замок вместе с его хозяином! – фыркнул в ответ, – меня в ЗоGRID пригласили! Вернется с болот моя напарница, пусть собирает багаж и едет туда.

– Какая напарница? – остолбенели зрители.

– Комедиантка... изображает меня в некоторых ситуациях. – пьяненько усмехнулся я и допил морс, – но её просто

проверить... Вот смотри, у меня локоны свои... а у нее парик.

В доказательство я подергал кокон и довольно хихикнул.

– И красота у нее обманная... амулетом наведенная. Снимет амулет и вся любовь сразу пропадает.

Швырнул флягу в ров, помахал задумчиво примолкшим стражам и пришпорил коня, спеша поскорее скрыться из виду. Если я верно рассчитал, скоро начнут появляться новые актеры затеянного мной спектакля и встречаться с ними мне не стоит.

Первые лиги я безжалостно гнал коня, и лишь проскочив на полном скаку и деревню и мост через речку, немного сбавил скорость. Но лишь затем, чтобы не спешиваясь, снять приметные тряпки Греты и сменить образ.

Достойный цирковых акробатов трюк, если не умеешь создавать кокон, который крепко держится за седло и поводья, одновременно окружая тебя свободным шатром. Вскоре я выглядел небогатым немолодым горожанином, возвращающимся из деловой поездки и снова подгонял коня, стремясь уйти от приближавшейся грозы. А тючок с амазонкой и шляпкой остался далеко позади, спрятанный под неподъемным валуном.

В Дерл я въехал вместе с первыми дождевыми каплями и сразу же свернул к ближайшему трактиру. Незачем выбирать, если надолго я в нем не останусь. Да и в городе, скорее всего, тоже, слишком он невелик, чтобы надежно скрыть от

всех, кому я могу понадобиться.

Через пять минут конь стоял в стойле, перед яслями со свежим сеном и горкой золотистого ячменя, а я в ожидании ужина смотрел на дождевые струи заливающие снаружи оконные стекла.

По моему сердцу катились такие же печальные потоки, оплакивая все, что было мне близким, дорогим и любимым почти двадцать лет. До сих пор я не представлял, как горько и больно так резко терять все, в чем виделся смысл жизни.

Больнее лишь осознавать, что этот выбор я сделал не сам.

– Ваш ужин, господин Грет, – протиснулся в дверь толстяк трактирщик, и подобострастно заглянул мне в лицо, – ваш конь из герцогской конюшни.

– Да, – кивнул я спокойно, – утром его нужно вернуть. Я заплачу за доставку прямо сейчас, чтобы вы не будили меня спозаранку.

Получив монеты, довольный трактирщик выскользнул прочь, пожелав мне спокойной ночи, а я сел к столу. Не в моем положении отказываться от оплаченного ужина.

Через час дождь стих, гроза ушла дальше, в сторону Резвилла, унося с собой мой мысленный привет его величеству. Вместе с искренними извинениями и прощением, за все многоходовые интриги и тайные планы.

Увы, ваша бывшая светлость, больше я не желаю изображать марионетку, несмотря на то, что это мне даже нравилось.

Повесив на плечо тощий баул, погасил свечу и выскользнул в окно. Тревоги трактирщика, который утром не найдет постояльца, меня не волнуют, его услуги полностью оплачены. Даже с излишком, ведь постель осталась не смятой.

В Дерле имелось несколько мест, где меня всегда пустят на ночлег, но это вовсе не женщины, готовые приютить молодого лорда. Всем нынешним друзьям я когда-то помог, одного вытащил из трясины в тот миг, когда он уже прощался с женой и детьми, второго отбил у толпы озверевших пьяных бузотеров, третьему просто дал денег оплатить закладную на домик.

Но ни к кому из них я не пойду. Не потому что не верю им или подозреваю в предательстве, ничуть. Просто осознал, что за мной всегда следили намного лучше, чем я считал еще вчера.

Двухэтажный домик с вывеской пансионата попался мне на глаза лишь однажды, и то мимоходом, и потому направился именно туда.

– Кто? – раздался из-за двери недовольный женский голос.

– Господин Март Бегель, приказчик антиквара из Дезвелла.

– Документы есть?

– Конечно.

Сколько угодно, на все вкусы. И печати настоящие и даже подписи. И все же все они фальшивки, так как сделаны мной.

Печальную истину что однажды придется уйти из ставшего родным замка, от привычной жизни и знакомых людей, я ясно осознал еще год назад. Тогда же и начал потихоньку готовиться. Но, как теперь выясняется, сильно просчитался, считая будто имею в запасе года три-четыре.

Никто мне столько давать не собирался.

– Есть только комнатка в мансарде, – открывая дверь, сообщила сухощавая дама в мужском стеганом халате.

– Беру.

– А куда вам деваться, – философски заметила она и сунула мне в руки однорожковый подсвечник, – по лестнице до конца, зеленая дверь. Умывальня общая, на ней картинка, не промахнетесь. Завтрак с семи до десяти. Спокойной ночи.

Заперла за мной дверь и исчезла в комнатке, в каких обычно жили швейцары.

– Спасибо, – сказал я ей в спину и направился к лестнице, очень надеясь, что на сегодня мои приключения закончились.

И действительно, спокойно проспал на деревянной кровати, сдобренной пышной периной почти до рассвета. А проснулся резко, как от внезапного удара.

Впрочем, это и был удар, точно такой, какой настиг нас с Хирдом вчера в лесу, на подступах к болотам.

Снова зазвенело в ушах от прокатавшегося эха неизвестного заклинания, вероятнее всего ментальной магии. Теперь я был почти уверен, что поискового. Тихий звон входного

колокольчика, который уловила моя сторожка, сообщившая о приходе внезапного гостя, подтвердил мою догадку. И гадать не нужно кого тут можно искать в такой час, кроме меня самого.

Осталось лишь решить, бежать ли немедленно дальше или попытаться выяснить, зачем темный маг гоняется за мной с таким упорством.

Думал я недолго. Понимание, что в моем случае информация ценнее всего, заставило отказаться от сиюминутной мнимой свободы. Ведь если он сумел так точно найти меня один раз, найдет и в следующий. Но будет более изобретателен, и несомненно более решителен. А возможно и жесток.

Стало быть, пора с ним поговорить.

Но пусть не надеется, что беседовать мы будем здесь и сейчас. Встреча пройдет в более подходящем месте на моих условиях. И ему придется их принять.

Чувствуя приближение гостя, я спешил как мог, и за следующую минуту успел подготовиться к неожиданному визиту. Растолкал по кокону свое немудреное имущество, взамен сунув стоявший у кровати кувшин, пару безделушек и подушку в баул, мимоходом проверил в зеркале отражение образа, и присел на край стола, не желая смотреть на мага снизу-вверх.

И распахнул дверь за секунду до того, как перед ней замерли чужие шаги.

– Господин Бегель, к вам гость, – с недовольством проце-

дила хозяйка пансиона, кутавшаяся все в тот же халат.

Из-за ее спины выдвинулся именно тот, кого я и ожидал увидеть. Темный маг, привычно прятавший лицо за полями шляпы. Теперь уже светлой, из шелкового репса. Да и вся одежда была светлой, и стального цвета чесучовый костюм и голубая рубашка. Гость явно одевался в тон к закопанной мною амазонке и, стало быть, успел побывать в замке.

– Прошу прощения за беспокойство, – он ловко вложил женщине в руку монетку и оттеснил ее от двери. – Я никогда бы не решился побеспокоить вас в такой час... господин Бегель...

– Можно просто – Март, – с легкой ухмылкой позволил я, и обратился к хозяйке, – Простите леди, но мне придется уехать раньше. Прямо сейчас. Дела.

Подождал, пока она сообразит, что снова придется отпирать двери и направится к лестнице, и шагнул следом, оставив на столе свой баул.

– Сюда мы не вернемся, – веско заявил гость, поймавшись на простую хитрость, прихватил баул, и забросил его за плечо, даже не догадываясь, как много сказал мне этим жестом.

– Лучше оставить, – предупредил я честно, но он лишь упрямо усмехнулся.

– Мне нетрудно.

– Как знаете, – вежливо кивнув в ответ, легко сбежал по лестнице и признательно склонил голову перед замершей у распахнутой двери хозяйкой, – благодарю еще раз. Хочу пре-

дупредить, мой гость – клептоман. И сейчас пытается вас обокрасть.

– Что? – мгновенно просыпаясь, ахнула она, и протянула руку к баулу, который пытался бросить помрачневший гость, – ну-ка, показывайте, что у вас там!

Глава седьмая

Януар:

Смотреть, как маг выкручивается из этой ситуации я не стал. Хотя многое бы отдал за редкое зрелище. Но не для того затеивал это представление, чтобы им наслаждаться. Мне нужна была фора и я ее получил.

И теперь собирался увеличить, потому и мчался к своей цели напрямик, через хорошо огороженные и охраняемые сады, по крышам домов и амбаров, по воде прудов и ручьев. Для тренированного адапта это просто разминка. Достаточно вытянуть вперед кокон руки, зацепиться и подтащить тело. Чем быстрее, тем легче. По воде, к примеру, ноги просто скользят, если щиты на обуви сделать в виде лыж.

И не прошло и получаса, как я стучал в неприметную дверцу, о существовании которой знали лишь избранные, проверенные клиенты хозяина ломбарда. Для нас заведение было открыто в любое время дня и ночи. Поэтому лицо мне пришлось изменить. На привычный образ травницы Ари.

– Не ожидал тебя увидеть, – приоткрыв дверь пропустил меня мистер Крок, но это был всего лишь пароль.

– Умных женщин не нужно ждать, они сами знают, когда приходить, – огрызнулся я и это тоже была условная фраза.

Хотя однажды она спасла Кроку и его семье жизнь. Кто-то из завистников или собратьев по бизнесу подбросил к окнам его дома амулет с ядовитым дымом. Они уже начали задыхаться, но верный привратник сумел доползти до моего невзрачного домишки, стоящего в глубине соседнего сада. В тот момент он почему-то вспомнил лишь о том, что видел с вечера, как я бродил по своим владениям.

Разумеется, поил я их вовсе не простыми зельями, а теми, какие присылала Хирду его величество, но это так и осталось моей тайной. А Крок стал одним из тех, кого я никогда не стал бы знакомить с темным магом.

– У меня неприятности, – экономя время, сообщил ему напрямик, – нужно срочно сдать деньги и вещички.

– Идем, – почти побежал Крок и вскоре мы сидели в его маленьком кабинете по разные стороны решётки.

Не самое красивое, но очень нужное дополнение к убранству комнатки.

Золото ломбардник проверять не пожелал, заявив, что ссыплет монеты в общий сундук. И вообще его ценности защищены от всяких комаров и моли. Все эти магические хитрости сгорают, едва оказавшись под действием артефакта, проверяющего золото и камни на подлинность.

Выдал мне немного серебра и вексель и уставился ожидающе. А я всё медлил, слишком тяжело расставаться с защитным амулетом, повешенным на мою шею приемной матерью и служившим мне двадцать лет. Да и с подвеской наставни-

ка, подаренной на прощанье я сросся душой.

Но еще большее было думать, что нечестную игру затеял со мной кто – то из тех, кому я верил, и пытаться угадать, кто именно.

Поэтому решительно достав из-за пазухи оба оберега, положил их перед Кроком.

– Храни. Однажды я приду за ними.

– Не сомневаюсь, – уверенно кивнул он, кладя амулеты в шкатулку и запирая. – Держи.

Я повесил на шею крошечный ключик, гарант моих прав на эту шкатулку, пожал Кроку руку и выскользнул из его владений в предутренний туман.

Вон там, за забором мой скромненький домик, единственная собственность, которую смог купить за заработанные деньги. И если грядущая встреча с темным магом пойдет не так, как я рассчитываю, у меня не останется даже этой малости.

Идти в свои владения напрямик мне не захотелось. Пришлось обогнуть по широкой дуге несколько домов и перескочить через забор в свой сад с противоположной ломбарду стороны.

Осторожно оглядывая каждую щепку и камушек, я обошел вокруг домика, заглянул во все оконца и лишь тогда, вытянув призрачную руку, втащил себя на небольшую мансарду.

Постоял, проверяя охранные сторожки, поглядел в зерка-

ло и сменил образ на привычный. Маг ведь не за Мартом охотился и не за травницей, пусть порадуетя, что поймал желанную дичь.

А я в ожидании его займусь своими делами и прежде всего защитой. Одним из правил, вдолбленных наставником почти десять лет назад в мою детскую голову, была осторожность.

– Не нужно думать, будто ты мощнее всех или хитрее. – строго говорил Фаргес, – Всегда найдутся и более сильные и более хитрые. А еще – подлые, опытные, хорошо вооруженные и подготовленные. Это для магов самое главное, иметь в запасе несколько загодя припасённых хитростей. В твоём случае – это щиты. Ты не сможешь сжечь врагов как младший принц, или утопить в стакане воды, как старший. Призвать на помощь стаю крыс, змей или волков, как король, тоже не сумеешь. А королева хотя и имеет слабый дар, зато это голос сирены... и в случае опасности сумеет усыпить целую толпу врагов. А тебе нужно уметь многократно усиливать щиты и магистры давно изобрели несколько способов, но разумеется, нигде об этом не написано. Это знание лишь для избранных, тех за кого поручился король.

Хотя мне было всего двенадцать, я отлично понимал, какая это честь, получить такое доверие короля и всегда об этом помнил. И способы заучил наизусть, хотя они оказались невероятно просты... после того, как я вник в суть создания щитов.

– Щиты ты создаешь с помощью магической энергии, –

объяснил мне тогда Фаргес, – но одна энергия нестабильна, и просто так витать вокруг тебя не станет. Ей нужен носитель, и это ты сам. Именно твой дар удерживает магию на поверхности твоего тела. И главное – не давать ей утечь. Потому ты и представляешь мысленно тончайший щит, который облекает тебя как кожа, создавая первый кокон. Он состоит из магии, воздуха, и мельчайших крупиц плотного вещества, которые всегда имеются в воздухе. Вода, пыль, пушинки и прочее. Обычно адапты дома этот щит снимают... но ты ходишь в нем постоянно.

– Неправда, – возразил я тогда, – я снимаю его, когда купаюсь. Если один. И ночью. Но ставлю сторожку, и, если поблизости кто-то появится – сразу прячусь. Даже во сне.

– Понятно, – сказал он с уважением и печально вздохнул, – тогда слушай дальше. Ближний кокон привязан к тебе и потому нерастяжим, а вот второй, защитный, ты можешь изменять и тянуть как угодно. И усиливать, ведь его состав такой же. Магистры предлагают носить с собой горсть толченого стекла или чистого песка, можно и металлической пыли. Но если враги застанут тебя врасплох, добавляй все, что окажется поблизости. Воду, снег, пыль, песок или золу. Тогда щиты станут во много раз мощнее. Только не забывай оставить прозрачные оконца для глаз.

С тех пор прошло десять лет, и я испробовал сотни способов усиления щита, и обдумал сотни ситуаций, в которые мог бы попасть. И конечно, нападение ментала предусмотр-

рел едва ли не одним из первых. Потому-то и носил на спрятанном под щитом поясе набор крохотных серебряных пудрениц с разными порошками.

И сегодня, едва заслышав сигнал сторожки, сразу же, даже не успев еще осознать, добавил медной пыли в вытянутую как ленту лапу, намотал ее на голову в несколько слоев и закрепил.

Темные маги потому такими и зовутся, что не признают никаких законов и ничьих правил, и я вовсе не горел желанием испытать на себе его методы убеждения.

Он появился на ведущей к моему дому дорожке лишь через три часа. Я успел досмотреть прерванные сны и спуститься вниз. В домике, кроме разместившихся в мансарде спальни и крошечной умывальни, имелось всего две комнаты. Гостиная, она же приемная, и столовая, она же кухня.

И когда настырный гость ворвался в дом, как раз на кухне я и сидел, раздумывая, пора уже завтракать или пока просто выпить взвару.

– Ты считал, что можешь от меня сбежать? – рявкнул темный, едва возникнув на пороге.

Я лишь ухмыльнулся в ответ. Не считал, а сбежал, и был бы сейчас очень далеко, если не решил с ним поболтать.

– Ешь и собирайся, – почти швырнул он на стол принесенную корзинку, – мы уезжаем. Карета уже ждет у калитки.

Глянув скептически на его подношение, я протянул руку и дернул за шнурок.

– У тебя нет слуг, – ядовито оскалился маг.

Ну, да, нет. А разве я утверждал обратное?

Звякнула сторожка, предупреждая о появлении нового гостя и я мгновенно сменил облик. Для всех соседей тут живет травница Ари.

– Тётушка Ари, – влетел на кухню постреленок Тимми, – вот горячие пирожки и запеканка, как заказывали!

– Держи, – сунул я ему серебрушку. – сдача тебе, на конфеты.

– На какие захочу?

– Ответь на один вопрос, – прищурился я в ответ, – а какой смысл покупать конфеты, которых ты не хочешь?

– Ну... – задумался он, потом несчастно вздохнул, – их будет больше.

– Намного, – подтвердил я, точно зная, что мечтает Тимми о большой шоколадной шишке с начинкой из розового клубничного суфле, орешков и засахаренных лепестков белых роз. – Ты будешь есть их долго... вместе с собакой, соседским Питом и его братишкой. И вспоминать, что мог бы купить самую вкусную конфету, какие есть у кондитера Пральма. И долго смаковать ее чудесный вкус и аромат.

– Да... – прошептал он мечтательно и повеселел, осознав крамольную истину, больше – не всегда значит – лучше. – Спасибо, тетюшка Ари!

И умчался как смерчик.

А я спокойно налил в свой бокал взвару и развязал свя-

занные накрест уголки льняной салфетки. На простой деревянной тарелке лежал румяный ломоть творожной запеканки, щедро политый густой сметаной и несколько пышных горячих пирожков с мясом. Именно такие присылала хозяйка булочной, если над моей крышей взмывал синий флажок. Красный означал рыбу, желтый – абрикосы.

– Гостям пирожки ты не предлагаешь? – ядовито прищурился маг.

– Ты же принес то, чего хотел, – равнодушно пожал я плечами, – вот и ешь.

– В королевском дворце отвратительно воспитывают детей, – присев к столу, маг начал разворачивать свои припасы.

– Другого не было, – снова пожал плечами, отлично понимая, почему он так разъярен.

Любой бы бесился, особенно темный маг. И особенно ментал, не привыкший ни в чем получать отказа. Наверное, это очень удобно, когда все вокруг послушно делают все, чего ни пожелает твоя левая пятка. Но как же скучно и противно смотреть на тупые покорные лица марионеток!

– Быстро доедай пирог, соберай вещи и иди в карету, – сказал он вдруг с особым нажимом.

По моей голове словно теплый луч скользнул, наградой за предусмотрительность. В том, что без добавочной защиты я уже бежал бы за баулом, не оставалось даже грана сомнений.

– Как тебя зовут? – справился я, задумчиво глянув на гостя и неторопливо взял очередной пирожок.

Если я и решу с ним куда-то ехать, лучше делать это на сытый желудок. Ну, по крайней мере не скоро захочется ис-
кать приличный трактир.

– Джин, – помолчав, с ехидной ухмылкой представился он.

– Иди в лампу, – немедленно предложил я, сразу вспом-
нив старую сказку.

– Джинред, – с ненавистью скрежетнул маг, и с грохотом
поставил на стол кружку, – вставай и иди собирать в дорогу
вещи.

Мое темечко согрело лучами невидимого солнца, в нос
ударил аромат полуденного суховея, с потолка посыпались
мухи.

– Хорошее заклинание, – одобрил я, и невинно поинтере-
совался, – интересно, мышей в подвале достает?

Лицо Джина побледнело, складки возле сжатых губ заост-
рились, а в пальцах мелькнул какой-то камень.

Вот только у меня изначально не было желания воевать с
гостем, поэтому к нему под столом уже протянулись допол-
нительные лапы. Одна из них похлопала мага по плечу, за-
ставив мгновенно оглянуться, а вторая, пользуясь этим, вы-
хватила из его рук опасную вещицу.

– Паршивая штучка, – рассматривая амулет, задумчиво
сообщил онемевшему гостю, – почему воспитатели не объ-
яснили тебе, как неприлично ходить с такими в гости?

– Чего ты хочешь? – помолчав, спросил он на удивление

хладнокровно.

– А причем тут мои желания? – неподдельно изумился я, – ведь это ты пришел среди ночи, предложил поговорить. А когда я согласился, вдруг резко поменял планы. Теперь ты уже хочешь куда-то ехать. Странная непоследовательность для взрослого мага... если не сказать, подозрительная. И поэтому теперь я подожду объяснений.

– Я ехал сюда, чтобы помочь тебе, – устало сообщил Джин, – ты запутался в сплетении чужих интриг и интересов и сам из них никогда не выберешься. А я могу тебе многое объяснить и многое рассказать из того, о чем ты даже не подозреваешь. К примеру, много ли ты знаешь о себе?

– Всё, – хладнокровно сообщил я и нагло усмехнувшись ему в лицо, медленно и веско повторил, – абсолютно всё.

– Но... – попытался спорить он, и мне пришлось перебить.

– ВСЁ!

– Тогда почему...

– А вот это тебя не касается! – мгновенно огрызнулся в ответ.

– Меня всё касается. Я твой родной брат. Старший.

– Надо же! Уже и родня появилась! – Не зарычать от ненависти мне удалось лишь чудом, – а где же вы были раньше?! Теперь я и без вас неплохо живу. А вы без меня прекрасно жили двадцать лет, значит, проживёте и дальше. Больше говорить нам не о чем. И ехать никуда не нужно.

– А ты знаешь, что все эти двадцать лет мать тебя опла-

кивает? – сверкнул он яростным взором.

– Значит уже очень хорошо оплакала, – огрызнулся я, – хотя горевала она вовсе не по мне, а по двухлетнему ребенку. Меня она совершенно не знает.

– Тебе было два с половиной, ты родилась в августе, – поправил он с кривой ухмылкой, – но не волнуйся, назвать тебя Августой никому и в голову не пришло. Ты – Альяна.

– Можешь звать меня Яна, или просто Ян, – пренебрежительно фыркнув, великодушно разрешил я темному, – до самого отъезда. И возьми уже пирожок... раз он тебе так приглянулся.

– Я возьму, – с неожиданной уступчивостью согласился он, – а ты собирайся. Лошади на солнце стоят.

– Ты в самом деле считаешь, будто я тебе поверю? И поеду невесть куда с темным магом? – Не двинувшись с места, осведомился, глядя как он уплетает мой пирожок, и смутное подозрение превратилось в уверенность, – а какой гадости ты напихал в свою провизию, если даже сам есть опасаясь?

– Полил зельем спокойствия, – невозмутимо пояснил он, – и я вовсе не темный маг, а магистр южного ордена. Вот знак. А ехать тебе придется, я ведь не отстану. Не для того почти луну трясусь в каретах и мотаюсь по волнам, чтобы возвращаться с пустыми руками. И не надейся спрятаться, не удастся. Я сделал поисковый амулет на собственной крови, он не ошибается.

Это был очень веский аргумент, хотя у меня имелись надежные способы обмана таких вещей. Но они никуда не денутся, а уйти из Дерла я и сам собирался. Так почему бы не поехать в удобной карете? Вытащить из мага побольше информации и спокойно решить, как жить дальше.

– Учти, мое доверие очень хрупкая вещь, – направляясь к лестнице на мансарду, предупредил новоявленного брата, – и второго шанса я не дам.

Глава восьмая

Хигверд:

На едва заметную звериную тропу, вьющуюся вдоль границ болота я выбрался примерно через час и уверенной трусцой двинулся к замку. По всем, самым скромным расчетам, у меня был шанс вернуться до заката, но еще теплилась надежда что Яну удастся помочь Густаву и отправиться навстречу.

Однако время шло, оставались позади камыши и топи, перелески и ручьи, потянулись холмы и дубравы, а навстречу мне не попало ни одного человека. Вокруг властвовали покой и духота идущего на убыль летнего дня, и лишь мельтешение птиц над самой водой предрекало приближение грозы.

Шум и крики донеслись из-за заросшего кустами вербняка лишь в тот момент, когда я почти добрался до места, где сходились у переправы через ручей две тропы. Звериная и охотничья, по которой уехали мои преследователи.

Метнувшись зайцем в гущу кустов, я затаился и прислушался к мужским выкрикам, легко заглушаемым визгливым голосом моей проклятой преследовательницы. Постепенно подбираясь все ближе к ним, уяснил наконец суть спора и облегченно выдохнув, решительно выбрался на тропу. Это

Густав послал за мной своих парней, и теперь можно не опасаться ни наемников Греты, ни темного мага.

Никто из них не осмелится напасть на меня при телохранителях, эти шакалы смелы лишь когда нападают втемную, всей шайкой на одного.

– Я требую! – притопнув ногой злобно завизжала Грета, не замечая моего появления у себя за спиной, – быстро слезайте с коней! Иначе герцог из вас ремней нарежет!

– Скорее сделаю жаркое из тебя и твоих прихвостней, – пообещал я с ненавистью и не удержался, создал на ладони шарик огня.

Совсем маленький, и почти сразу погасил, пока не обжег кожу, но она уже метнулась в сторону с оглушающим визгом.

– Убивает!

– Ничего подобного, – едко возразил Юлиус, сидевший на коне позади одного из наемников.

Впрочем, все они ехали по двое, и выглядели весьма потрепанными и измученными. Однако меня это только порадовало. Значит Яну удалось увести большинство лошадей, выяснить, что с Густавом и послать помощь.

– Ваша светлость, – подвел мне коня один из телохранителей, – капитан послал нас за вами. А этих брать не велел.

– Правильно приказал, – вскочив на коня мстительно подтвердил я, и добавил, – этим негодьям все равно спешить некуда, их ждет виселица.

Хотя и понимал, что доказать вину наемников нам не

удастся, но пусть хоть немного потрясутся. И Грета, вместе с моим бывшим другом – тоже.

До замка мы домчались менее чем за час, и все это время я пытался придумать, как помириться с Яном. Хотя и до сих пор был против его выходки, несмотря на то, что он оказался прав. Но мог бы взять меня с собой? Не заставлять беспокоиться и злиться?

До замка оставалось не больше полулиги, уже виднелись возвышавшиеся над деревьями шпили и флюгера башен, когда мы остановились у ручья напоить коней.

– А Ян не захотел с вами ехать или его Густав не пустил? – понаблюдав за необычно тихими телохранителями, осведомился, сам не знаю почему.

– А он... – промямлил кто-то, и тут же получил тычок в спину.

– Мы не знаем, – явно солгал старший из парней, рассудительный Шелт. – Нам капитан сказал – скакать быстрее к дубраве – мы и помчались.

Устраивать допрос я не стал, только время напрасно потрачу. Орлы Густава исполняют прежде всего его приказы, и лишь потом – всех остальных, сортируя их по степени старшинства статуса. Разумеется, теперь я на первом месте... но Густав впереди, пока я до него не доберусь.

А с ним все в порядке? – осторожно задал вопрос, который сидел в груди огромной занозой.

– Что ему делается, – с явным облегчением выдохнул

он, – выдал всем с утра указания и следит.

– А какие были указания? – чувствуя, как зарождается в душе нехорошее подозрение, осведомился я как можно легкомысленнее.

Вроде как оно меня и не волнует совсем, просто чтобы быть в курсе событий.

– Ну про мага... – как о чем-то всем известном небрежно сказал он, посмотрел на меня и напомнил, – всем объявили, что появился чужой маг-иллюзионист, приходит в особняки и дворцы под видом тетушки Ари или почтового курьера. Останавливать его не нужно, только постараться задержать как можно дольше. До приезда магистра из южного ордена, он сегодня специально прибыл, чтобы поймать мошенника.

– Когда прибыл? – уточнил я, начиная звереть.

– После того, как вы уехали на прогулку. В замок его не пустили, но он все объяснил Густаву и указ показал. А потом решил вас поискать, дело-то срочное. Его Юлиус отправился сопровождать, а потом и Грета к ним прицепилась со своими бандитами.

– Пора, – дернув повод, заставил коня выйти из воды, – дома допьют, тут недалеко.

И немедленно пустил животное в галоп, истово жалея, что не выяснил всего этого сразу, еще на той развилке. Тогда и проклятый маг и Юлиус с Гретой сейчас скакали бы рядом, крепко примотанные к седлам.

Потому что до этого дня во всем замке только мы с Густа-

вом знали, что под личиной травницы и почтового курьера скрывается Ян. Уже давно, лет с восемнадцати, когда категорично заявил, что желает изучать быт жителей герцогства не из оконца кареты. Мне это изначально не понравилось, но мелкого поддержали и матушка и Гарл, заявивший, что Ян не заложник и не раб, сидеть в клетке. Пусть гуляет, знакомится с жизнью, с девушками наконец. Дворцовых интриганах он давно знает и видит насквозь и потому и близко не подпустит.

А теперь какие-то подозрительные маги собираются ловить мелкого, и Густав им спокойно в этом помогает? Да еще и Грету пускает по нашему следу? Похоже, зря я так за него волновался, и теперь у меня остался только один вопрос, где Ян?

Ворота перед нашим приближением распахнулись заранее, чтобы тут же захлопнуться, но меня это не интересовало. Только Густав, стоявший на крыльце в своей излюбленной позе, с заложенными за спину кистями рук.

– Где Ян? – резко остановив жеребца у ступеней, требовательно спросил капитана.

– Мы не сказали его светлости, – с неожиданной виноватой робостью сообщил сбоку Шелт, – что Ян утонул.

– И правильно сделали, – мрачно похвалил Густав, но его слова прозвучали вовсе не одобрением, – то была ложная информация. Все остальное я объясню вашей светлости в кабинете.

Не часто он обращался ко мне подобным образом, пользуясь правом наставника звать меня лорд Хирд. И обычно я его поправлял, но не сейчас. Во мне горело, бесновалось нехорошее предчувствие, и я пока и думать не мог о том, чтобы заботиться о чувствах возможного предателя.

– Говори, – резко развернулся к наставнику, влетев в собственный кабинет, еще недавно бывший кабинетом Гарл а.

– После обеда пришла тетушка Ари... – сухо сообщил он, искоса поглядывая на мои руки, и теперь уже я спрятал кисти за спину.

И по мере того, как он, ничего не скрывая, рассказывал, как они дружно травили Яна в моем замке, мои ногти все сильнее впивались в ладони. Уже раз десять на кончиках пальцев вскипало готовое выплеснуться пламя, но я скрепя зубы упорно держался. Решив про себя, не давать воли гневу, пока не выясню все до самой незначительной мелочи.

Они следили за ним исподтишка, донося Густаву о каждом шаге Яна, хотя тот пару раз ускользал от их неусыпного внимания. Мелкий и в самом деле был хорош, я отчетливо осознал это. И явно зол, судя по тому, как бесцеремонно выгреб все запасы целителя. Но жалеть скуповатого лекаря мне и в голову не пришло, наказан по заслугам. А вот прачка удивила, слуги ее уровня обычно стараются быть незаметнее мышей и не ввязываться в интриги и войны хозяев и их фаворитов. Целее будешь, как говорил нам в детстве садовник, не позволяя рвать зеленоватые яблоки без ведома королевы.

– Вызовешь ее ко мне, – бросил я сухо, слушая как шла по дворцу невесть откуда взявшаяся Грета, посыпая ядовитой бранью всех вокруг, включая меня самого. И с каким наслаждением потом швыряла в глубокий ров фамильные украшения моей матери.

Конечно... их было жаль, просто до зубовного скрипа, хотя я уже успел проститься с ними навечно. Продавать их Грета отказывалась даже за десятикратную цену.

Но понимание, что после такой выходки наглой мадмуазели можно спокойно не пускать ее назад, грело душу неожиданной свободой.

– Мы сами собрали ее сундуки и вынесли к воротам, – сообщил Густав, и смолк, глядя на меня с тоской и неожиданным вызовом.

– Пусть выставят за ворота, – моментально приказал я, сообразив, чего он ждет, – И накройте чем-нибудь, чтоб не промокло, а то затаскает по судам.

– Составим под рыночный навес, – уже от двери сообщил Густав и вскоре по примыкающему залу прокатилась дробь быстрых шагов.

Можно и так, тяжело вздохнул я, прикидывая, куда мог поехать Ян. Хотя... чего я голову ломаю, неужели Густав за ним не проследил? И кстати, а где указ, который привез тот мрачный маг?

– Вот Карра, – вернувшийся капитан подтолкнул в комнату немолодую прачку, в хмуром взоре которой светились

упрямство и дерзость.

И это мне понравилось. Настолько, что я вмиг поменял первоначальные намерения.

– Я попросил пригласить вас, – учтиво заявил женщине и от неожиданности она растерялась, как селянка, впервые попавшая на столичную ярмарку, – чтобы выразить благодарность за помощь тетушке Ари. И сообщить, что назначаю вас дворцовой кастеляншей. Старой пора отдыхать, завтра ее отвезут в имение. Принимайте у нее дела, и подбирайте себе помощниц по своему усмотрению. Комнаты можно выбрать любые из свободных, а у казначея получите премию сто золотых.

Если признаться честно, старую кастеляншу я недолюбливал давно, еще с тех пор, как выяснил, что она обожает собирать сплетни и тайком подрабатывает сводней. Но прежде терпел за преданную службу Грете, а последние пару лун, с тех пор как стал герцогом, именно за это просто возненавидел. И теперь одним ударом убивал сразу двух зайцев.

– Но я не смогу работать с некоторыми... – Карра замялась, и я ей помог.

– И не нужно. Выставляйте без сомнения всех, в ком не уверены. Новых наберем.

Она довольно прищурилась, благодарно склонила голову и ушла, одарив задумчивого Густава победным взглядом.

– Где указ? – справился у него, вспомнив о своем намерении докопаться до всех деталей этого странного происше-

ствия.

– Вот, – капитан подал скрученный в трубочку лист и у меня сразу испортилось настроение.

Не узнать бумагу особой выделки с потайными вензелями и гербами, на которой писались указы Гарла, было невозможно.

Всего несколько строк, написанных витиеватым каллиграфически прекрасным почерком обрушились на мою голову неподъемной, будто гора камней, тяжестью.

Король приказывал Густаву оказать магу южного ордена самую действенную помощь в срочной встрече с воспитанником королевы-матери Януаром Невельсом.

И подпись.

И печать.

Зубы свело неожиданной оскоминой, словно я разжевал горсть зеленого крыжовника.

Неужели можно так просто продать парнишку, с малых лет жившего в твоей семье на правах младшего брата, если этого пожелал могущественный южный орден магов?

И как мне теперь разговаривать со старшим братом? Но главное, как уберечь и где спрятать Яна от этого преследователя?

– А почему ты вообще выполняешь приказы Гарла, – расвирепел я неожиданно даже для себя, – если присягал мне?

– Я и ему присягал, почти тринадцать лет назад, а до этого служил вашему отцу, – мрачно процедил он и положил пе-

редо мной второй лист. – Это прошение об отставке.

– Не принимаю! – с несказанным наслаждением порвал бумажку в клочья. – Ты тут наворотил дел, выжил из дома моего брата, а теперь побежишь под крылышко к королю? Слишком жирно тебе будет. Ищи Яна где хочешь, и пока не найдешь – никаких отставок. Не захочешь – объявлю преступником.

Захватил указ и стремительно вышел из кабинета, не глядя на застывшего статуей капитана, которого еще утром считал самым преданным человеком во дворце.

И лишь добежав до своих покоев, вспомнил, что таки не задал ему еще пары важных вопросов. Впрочем, это обождет, мне давно хотелось умыться и переодеться.

Но едва войдя в свои покои, заметил записку, которую мог оставить только Ян. Лишь у него была привычка сворачивать листок тугим квадратиком и засовывать в зубы серебряной статуе волка, служившей ручкой пресс-папье.

Не помню, как оказался около стола, как развернул листок обычной бумаги. Но едва начав читать, невольно начал улыбаться. Он вовсе не злился и не обижался, в сердитом настроении таких записок Ян не стал бы писать.

И намеки вполне понятные, мне, разумеется. Заперев двери и подтащив к книжному шкафу стул, я отодвинул с верхней полки толстенные книги со сводами указов, и открыл маленькую дверцу, приделанную к тайнику лично Яном.

Тогда я смеялся над его детским изобретением, а сейчас

смотрел на поблескивающие в глубине маленькой ниши камни и никак не мог проглотить вставший в горле комок.

Несколько секунд я не мог отвести взора от этого бесценного дара, потом осторожно задвинул дверцу и поставил на место книги. Когда-нибудь эти украшения вернуться в сокровищницу, и пока не знаю, чем буду объяснять их появление, использованием артефакта призыва или другой магией. Зато уверен в другом, дарить их так безопасно, как прежде, девушкам, даже самым прекрасным, захочу еще очень нескоро.

Если вообще когда-нибудь захочу.

Приведя себя в порядок, я потребовал подавать ужин и вызвал Густава.

Пора задать ему оставшиеся вопросы.

– Вот прошение, – едва шагнув за порог, протянул он новый лист.

– Не испытывай мое терпение!

Бумагу слизало точно отравленным огненным язычком и капитан вынужден был отбросить последний уголок к камину.

– У меня в Дерле дочь, – признался он нехотя, и помедлив, с непередаваемой гримасой выдавил, – а она обещала... неприятности... если не уйду.

– Кто? – насмешливо переспросил я, – тетушка Ари? А разве ты еще не понял, что это Ян под личиной?

– Понял, – дернул он плечом, – но это же тайна.

– Для всех остальных. А тебя мы считали другом. И ду-

мали, что ты в беде, раз не послал за нами своих орлов. Я сам хотел идти тебя выручать... но он решил иначе. Как выяснилось... я сильно его недооценивал... – теперь, когда мне было известно, на что способен Ян, и как долго он это скрывал, не желая ранить мою уверенность в себе, это признание далось на удивление легко. – Он меня просто связал... Оставил в укромном месте и один пошел к тебе. Спасать. Скажи честно... что бы ты испытал на его месте? Радость или боль предательства?

Густав побелел как полотно и стиснул зубы так крепко, что даже я начал за них тревожиться. Но остановиться не пожелал, интуитивно понимая, что иначе позже придется возвращаться к этому разговору еще раз.

– Поэтому неудивительно, что он тебе мстил, – хмуро сообщил смотревшему мимо меня наставнику, – но нужно же абсолютно не знать Яна, чтобы поверить, будто он может обидеть ребенка. А ты его хорошо знаешь... ведь следишь за нами с детства... уже более двадцати лет. И дома... в Резвилле, следил, и сюда перебрался вместе с нами, когда Гарл женился. Поэтому больше не махай передо мной своими выдуманными обидами, а то пойдешь отсюда без штанов. Мое терпение не безгранично... а его и так сегодня хорошо потрепали. А теперь доложи, отправил кого-нибудь за ним следить?

– Да, – мрачно выдавил он, – мой человек скачет за ним от Вишняков. Скоро будут в Дерле. Кстати, их догоняет гро-

за. А на опушке появился первый всадник, тот самый маг. Пускать его в замок или нет?

– Пускать, – не колеблясь решил я.

– Тогда наденьте защиту от ментальных чар. Он магистр.

– Понял, – кивнул ему, направляясь к тайному хранилищу артефактов, и строго добавил, – а ты переставай звать меня светлостью. Иначе стану тёмностью.

Однако отпирать ворота страже не пришлось. Выехавший на дорогу всадник в хорошо знакомом мне темном одеянии и широкополой шляпе, на минуту остановился, копясь в кошеле, потом резко развернул коня и поскакал в сторону Вишняков.

Значит, имеет способ как-то следить за Яном, пришло понимание очевидной причины его поведения, принося с собой еще не позабытую горечь. Вспомнилось, как уверенно вел он охотников по нашему следу, и стало предельно ясно, что помогали в этом магистру вовсе не комары.

Тогда что? Или – кто?

Я тоже маг, хотя и огневик, что считается самой распространённой среди одарённых способностью. Боевой, разумеется. Да и как иначе, если многие столетия наши предки выживали лишь с помощью сильных боевых заклинаний, останавливающих несметные армии, посланные правителями, желающими посадить в свою клетку прирученного мага? Или не одного.

А маги приручаться никак не хотели, тем более – в клет-

ках. Вот и боролись из последних сил, и первыми предсказуемо гибли обладатели самых слабых способностей. А еще не самых успешных в бою. Иллюзионисты, эмпаты, природники, лекари, артефакторы и левитаторы. За то время, пока последние медленно спускались с крыш или башен, враги успевали поупражняться в искусстве лучников и метателей ножей. Потому такие маги теперь почти не встречаются.

– Ваша светлость, – прервал мои размышления дежурный связист, – вас приглашает к шару его величество.

– Иду.

Связь по шару затратное и потому дорогое удовольствие, и имеется лишь у одарённых правителей. Или у тех, кому верно служит сильный маг, способный пополнять накопители шара из собственного резерва. Мой шар кормлю я сам и молодой связист, служащий мне по контракту с северной обителью магов. Они с удовольствием пристраивают учеников на практику во дворцы и замки, где одаренным не грозит никакая опасность.

И в этом замке нам тоже много лет ничего не угрожало, кольнуло острой болью воспоминание о недавно проехавшем мимо маге, продолжающем охоту за Яном. Но отчего-то не пожелавшим встретиться со мной. И в этом тоже чудилась какая-то неправильность, как в зеркале, отражающем вместо стройного парнишки пузатого уродца.

Комнатка связи как обычно располагалась в самой верхней комнатке центральной башни, и я даже рад был, что не

нужно ходить сюда слишком часто. Почти две сотни узких ступеней, выющихся спиралью в толще стен сводили с ума кажущейся бесконечностью.

Зато открывавшийся сверху вид стократно окупал все затраченные на подъем усилия. Темные щетки ельников, выползавшие из распадков между пологими холмами, кудрявые купы дубрав и обманчиво веселая зелень ровных лужаек, прячущих непролазные болота, перемежались игривыми ленточками речушек и крышами деревенских домов. И над всем этим зависла быстро растущая черная туча приближавшейся грозы.

Всего на пару секунд задержавшись у распахнутого окна, оглядеть свои владения, я заметил вдали пару всадников и поспешил к шару, по пути торопливо надевая на голову шлем.

– Добрый день, Хирд, – сразу раздался под ним голос старшего брата.

– И тебе, – суховато отозвался я.

– Что-то произошло? – из толщи хрустального шара величиной с голову тельца, в мое лицо внимательно всматривался новый король Эргоса.

– Ян уехал.

– Один? – выдал он свою осведомленность.

Хотя... он же подписал тот указ?

– Да. Но за ним гонится магистр южной цитадели. Тебе не известно, откуда он взялся? – еще никогда прежде я не раз-

говаривал с ним подобным тоном, как с равным по статусу и ожидал выговора.

Или, по меньшей мере, заслуженного упрёка. Однако он ответил с поразившей меня невозмутимостью.

– Прибыл с официальным визитом. Они двадцать лет ищут пропавшего в окрестностях Резвилла ребенка, и наконец получили сведения, что это может быть Ян. Пришлось позволить им встречу.

Почему указ был адресован Густаву, рвался с моих губ вопрос, но я смолчал. Капитан действительно всегда сам решал подобные вопросы, и странно было бы адресовать их мне.

Или всё же нет?

– И теперь этот маг имеет право ловить Яна по всему нашему королевству? – спросил короля, пользуясь его странной покладистостью.

– Не ловить, а найти и поговорить, – поправил он и в голосе прозвучала прежняя, чуть насмешливая терпеливость старшего брата.

Так он разговаривал со мной еще в тринадцать лет и уже тогда я с трудом переносил подобный тон.

– Извини... – Гарл правильно понял мое упорное молчание, – я не хотел тебя задеть. Но ведь Ян не раб и не круглый сирота, как выяснилось. У него есть отец и мать, которая до сих пор надеется на чудо. И он имеет право сам решить... хочет с ними знакомиться или нет.

– Но этот магистр – ментал! Мы почувствовали его за ли-

гу!

– А Ян щитовик... и адапт. – Снова показал свою осведомлённость король, – И амулеты у него сильные... хотя и невзрачные на вид. Но во всех случаях мы постараемся за ними присматривать. Однако у меня другой вопрос, я хочу лично пригласить тебя на торжественный прием, который мы устраиваем через семь дней. Если сможешь – приезжай заранее. Только пожалуйста... не бери мадмуазель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.